

Нїдїїаа нїаѡїѡ аєаєєї ѡає і нєї вñєєѡ ѡѡѡєѡє є і і і аñѡїѡає*

Еаѡї і аї і аєаѡа аєї ѡѡї аї єї ѡѡаѡє є єї єа а Аѡѡєаѡаєнєї і аї і а

СТРОЕНИЯ архиерейского двора в Кромѡ не дошли до нашего времени, поскольку были разобраны к 1830-м годам. Их подвальные этажи и фундаменты частично сохранились под землей, но не исследовались археологами. Только юго-западный угол Крома у Смердых ворот и захаба раскапывался во второй половине XX в. При этом оказалась раскрыта западная стена нижнего яруса Владычных палат. На плане Пскова 1740 г. видно, что к востоку от них размещался надвратный храм Четырехдесяти Мучеников. Вдоль южной Кромской стены – Першей – с внутренней стороны находились хозяйственные и приказные службы Архиерейского двора. (Они были двухэтажные: первый ярус каменный, пристроенный к Першам, второй ярус – деревянные хоромы или «чердак»).

Время появления храма Благовещения Богородицы точно неизвестно, но возводился он в XVII веке. Можно предположить, что его возникновение связано с перестройкой Троицкого собора. В третьем старом соборе был внутренний южный придел в честь Благовещения, важный для псковичей тем, что в нем хранилась гробница с мощами Благоверного Князя Всеволода. Поэтому появление одноименного храма по соседству должно было иметь определенную обоснованную причину. Вероятно, при митрополите Маркелле (1682 - 1691), когда было принято решение о капитальной перестройке Троицкого собора, владыка позаботился об устройстве на своем дворе новой келейной церкви, где можно было совершать служения в период строительных работ по возведению ново-

го кафедрального собора. Таким образом, сохранялся один из престолов старого Троицкого храма, освященный в честь Благовещения. Его переносили в келейную церковь вместе с иконостасом, святыми мощами князя Всеволода-Гавриила и многочисленной Троицкой утварью. Для этой цели при церкви Благовещения Богородицы была предусмотрена особая Казенная палата. Она примыкала к западной крепостной стене Крома. В ней на уровне верхнего этажа как раз и находилась Ризница и Книгохранительная палата. Многочисленная утварь собора вряд ли поместилась только в Ризнице. Но занимала также и нижний этаж Благовещенского храма. Если эта гипотеза верна, то строительство церкви Благовещения должно было завершиться не позднее 1689 г., поскольку уже 12 апреля того же года по ходатайству псковского архиерея в Москве состоялось Высочайшее решение о начале строительных работ по замене старого собора новым. Очевидно, сразу же после получения этого известия в 1689 (7197) г. началась разборка старого Троицкого собора. Продолжилась она и в следующем 1690 (7198) г.¹. Закончив слом собора «до основания», митрополит Маркелл «съехал к Москве» бить челом Великим Государям о выдаче «на то строение денежных казны». На владычный престол во Псков он больше не вернулся, поскольку был переведен в Казань. Как сообщает его преемник митрополит Иларион, после отъезда Маркелла в 1690 (7198) г. случился пожар: «архиерейской дом, кельи і всякое дворовое строение і сушеленные і столовые всякие припасы и житенной двор с хлебными обиходы и конюшенной двор со всякими снастными з заводы все без остатка погорело»². Однако в этом описании ущерба, причиненного пожаром Псковскому Кремлю, отсутствует упоминание церковей Четырехдесяти Мучеников и Благовещения. Можно предполагать, что их внутреннее убранство и утварь все же удалось спасти от огня. Иначе

Постников Арсений Борисович – ст. научный сотрудник Древлехранилища Псковского музея-заповедника

* Окончание. Начало в №№ 29/2008 и 30/2009 г.

до настоящего времени просто бы не дошли многие известные псковские древности, реликвии и книги.

Хорошее изображение Благовещенской церкви Архиерейского двора существует на рукописном плане Пскова 1694 г. где прорисованы все стены и башни с указанием их размеров и с росписью необходимых починок существующим ветхостям. На этом рисунке Псковская крепость представлена со стороны Завеличья. Благовещенская церковь возвышается над крепостной стеной, ее маковка достигает уровня вышки на шатре соседней Смердьей «башни, что у митрополичьих келей». Западный фасад храма как бы «вырастает» из «городовой стены» Крома, являясь ее продолжением. Именно к этой стене была пристроена палата, изображенная двухчастной. Ее помещения перекрывались ломаной кровлей с двумя зубцами. На реку Великую было обращено четыре арочных окна. Причем левая пара оконных проемов была вдвое крупнее правой. Внешнее разделение обеих половин палаты соответствовало подобному делению и в интерьере. Вероятнее всего, левая половина представляла собой притвор Благовещенской церкви, а правая – ризничную палатку. Более широкие светлые проемы находились в притворе, к которому с северо-запада примыкало крылечко с лестничным сходом на крепостную стену. Следуя по ней, владыка мог прямо из своих покоев дойти до крыльца Троицкого собора в непогоду³. Книжница и ризница хранились в правой половине палаты с более узкими окнами.

На раскрашенной литографии Ивана Селезнева 1820-х годов с видом Псковского Крома со стороны Завеличья изображен разобранный вскоре Архиерейский дом⁴. По рисунку можно представить, что показанные строения имели три этажа: погреб и два жилых и служебных яруса, возвышавшихся над уровнем земли. Благовещенский одноглавый храм имел приподнятый над основным объемом четверик, перекрытый на четыре ската. К началу XIX века в облике церкви произошли изменения. Верхние части стен западной палаты были спрямлены, шипцовое их завершение разобрано, зубчатая кровля с изломами заменена на прямоскатную, уложенную по стропилам. Широкие арочные проемы

притвора заузили наполовину, обложив изнутри плитой. Эти и другие перестройки явились вследствие повреждений зданий Архиерейского двора от стихийных бедствий. В 1770 г. после пожара на кровле Троицкого собора на его возобновление, «вместе с Архиерейским домом, по Высочайшему повелению, выдано было из Коллегии Экономии 15 тысяч рублей»⁵. Затем, в «1788 году июня 2 дня по полудни в 10 часу то есть вечером в пяток в Рыбном ряду, что по Пскове реке изнутри рыбнаго амбара ... учинился пожар в кое время к вящему несчастью по великой суши занялись и другие анбары и лавки рыбнички: и от того пламени занялся Троицкой колокольни шпиль ... и как от сильного ветра усилилось стремление огня загорелись и келии архиерейския, Благовещенская церковь, под ней другая Ольгинская и переходы; нижняя сторона кровли Троицкого собора; и Благовернаго князя Гавриила кровля...»⁶. При столь сильном пожаре, когда выгорели оба яруса Благовещенской церкви, должны были утратиться все книги, иконы и утварь в ризничной палате. Не случайно до настоящего времени дошли только те из архиерейских книг, которые до 1788 г. были переданы владыками на хранение в собор или колокольню.

После пожара постройки Владычного двора были починены с некоторыми переменами, но с тех пор стали стремительно ветшать. В связи с этим псковский архиепископ Ириней в 1804 г. представил в Синод доклад о ветхости Архиерейского дома в Кремле. В донесении преосвященного Иринья сообщалось, что хотя со времен пожара 1788 г. «из остальных там служебных двух флигелей каменных для архиерейскаго жительства устроен дом с деревянною пристройкою, но по тесноте и сырости к помещению принадлежащих к дому чинов и служителей неудобен», а потому и просил «обратить Снеогорский монастырь в Архиерейский дом»⁷. С 1805 г. началось перенесение резиденции псковских владык на новое место. Но здания старого Архиерейского двора запустели не сразу. При Евгении I, архиепископе Псковском, Лифляндском и Курляндском (1816-1822) Владычные палаты в Кремле были отданы соборянам под дом причта. В указе от 26 июля 1817 г. об утверждении в должности

соборного старосты купца Николая Ивановича Трубинского, преосвященный Евгений (Болховитинов) предписывал: «старосте принять от Архиерейскаго економа по описи в свое ведомство и надзирание с починками дом Архиерейской городовою, мною данный соборным священноцерковнослужителям для житья»⁸. Тогда же, в 1817 г., Преосвященный Евгений (Болховитинов) испросил у Синода большую сумму денег на благоустройство нового Архиерейскаго дома на Снятной горе. При этом архиепископ позаботился об устройстве внутри зданія келейничих комнат и библиотеки⁹.

К сожалению, старый Владычный двор продолжали разрушать стихийные бедствия. В 1820 году, 22 ноября, ключарь кафедрального Троицкаго собора протоиерей Филипп Ашевский доносил архиепископу Евгению о последствиях буйства непогоды, повредившей кровли Кромских строений: «Сего ноября 21 числа по утру в начале восмаго часа бывшею сильною Бурею на зимнем Благовещенском соборе взорвало 1) угол деревянной крыши, 2) со всего входнаго Благовещенскаго крыльца железную с досками и перекладинами крыжу подняло и опрокинуло часть на землю и часть на Ольгинское крыльцо, чем самым и оное весьма повредило...»¹⁰.

Незадолго до этого, в начале XIX в., произошло обрушение западной Кремлевской стены на расстоянии от Троицкаго собора до Благовещенской церкви. При этом старая крепостная стена продолжала отходить в сторону реки и осыпаться. Тогда возникла угроза обвала строений старого Владычнаго двора, примыкавших к крепости. Обеспокоенный этим владыка Евгений (Болховитинов) обратился за помощью к псковскому гражданскому губернатору Борису Антоновичу фон Адеркасу, который сам на месте освидетельствовал состояние Благовещенскаго храма. В своем письме к архиерею от 12 декабря 1820 г. губернатор, в частности, сообщал: «Ваше Высокопреосвященство. Милостивый Государь. По личному объявлению мне вашим Высокопреосвященством осмотрел я теплую соборную церковь. Нахожу, что предстоит большая опасность и должно ожидать, что вся наружная стена к стороне Великой реки скоро может обрушиться, ибо со сторо-

ны реки льдом много оттерто плиты горы на коей основа стены, что от того вся сия стена отделилась от связи своей, и в самых сводах, где церковная утварь или ризница везде вдоль попереших стен наружная часть отделилась, как и вся стена наружная к реке по лестнице угрожает падением. Я предписал губернскому архитектору сделать подробную смету на исправление всего прописанного, которую и буду иметь честь доставить Вам»¹¹.

В тот же день архиепископ Евгений распорядился в Псковской Духовной Консistorии (ПДК) составить указ для Троицкаго протоиерея Григория Белгородскаго с братиею о срочном перемещении ризницы и книжницы Благовещенской казенной палаты в кафедральный собор. В указе Консistorии от 15 декабря 1820 г. предписывалось: «П.Д.К. слушав резолюцию Его Высокопреосвященства Евгения Архиепископа Псковскаго ... сего декабря 11 дня последовавшую на репорте вашем о ветхости до опасности ризничной при зимнем Благовещенском соборе палатки, притвора и входнаго крыльца лежащих на городовою ветхой каменной стене к западу. Которою резолюциею повелено: **“ризницу немедленно перенести в большой собор и надзирать караулом прилежнее”**»¹².

До середины 1820-х годов псковские архиереи пытались с помощью гражданских властей отремонтировать зданія старого Владычнаго двора, но безуспешно. По распоряжению гражданского губернатора Б.А. фон Адеркаса к 4 ноября 1821 г. псковский губернский архитектор Франц Ябс составил план Кремля с описанием его разрушений, и подготовил смету «на исправление ветхостей Благовещенскаго собора къ стене Кремлевской прикосновеннаго»¹³. Кроме того, Ф.Ябс представил проект новой теплой соборной церкви, которая должна была заменить собою ветхую Благовещенскую¹⁴. Однако новый архиепископ Евгений II (Казанцев), сменивший в начале 1822 г. Евгения (Болховитинова), выполняя предписания Синода, попытался сэкономить на строительстве Благовещенскаго собора. 8 января 1823 г. он сделал запрос на имя губернатора: «Можно ли в Псковском Кафедральном Троицком летнем соборе отделить один придел и сделать теплую церковь на место таковой же ныне существующей,

но ветхой отдельной Благовещенской. А при том нельзя ли и весь Собор устроить таким? И тогда по составлении чрез Губернскаго Архитектора плана и сметы, представить оныя Святейшему Синоду с мнением»¹⁵. К октябрю того же года архитектор Франц Ябс вновь сделал третий экземпляр «плана, профиля и сметы» на приспособление Троицкого собора к зимним богослужениям, и на перестройку Архиерейского дома¹⁶. Но эти чертежи также не понадобились, поскольку частая смена местных гражданских и духовных властей не позволяла довести дело до конца. В 1824 г. произошло очередное обрушение западной крепостной стены Крома. В результате оказался частично разрушенным старый Благовещенский храм. Поэтому «в 1825 году за ветхостью его разобрали»¹⁷. Лишь в начале 1830-х годов нашлись средства на строительство нового теплого Благовещенского собора в Кремле по проекту академика архитектуры А.И.Мельникова. Владычный двор разрушили полностью, а на его месте к 1835 г. возвели зимний храм¹⁸, простоявший до 1933 г.

Книжницы архиерейских домов в разных епархиях были обустроены по подобию московской патриаршей библиотеки. Общей была структура таких коллекций. «Как правило, библиотека состояла из двух книжных собраний – ризного и домового (или келейного). Первое хранилось в ризнице вместе с церковными облачениями и другими атрибутами богослужения и включало в себя в основном книги литургические. ...Проходили службы... в церкви... где и находилась эта часть библиотеки. Ризное собрание было немногочисленным... Значительно богаче и интереснее домовое, или келейное собрание книг, естественно, весьма разнообразных по содержанию»¹⁹. Сохранилось всего несколько славянских книг XVII века, которые можно отнести к казенному или келейному собраниям псковских архиереев на Владычном дворе. Но даже у этих экземпляров порой любопытная судьба.

Так, архиепископу Арсению (1665-1682) принадлежала книга Иоанна Златоустого «Беседы на книгу Евангелие, святого Апостола и евангелиста Матфея», часть 1 (Московский Печатный двор, 1664 г.). Об этом свидетельствует собственноручная ар-

хиерейская запись скорописью XVII в. по нижнему полю листов 2, 10, 13, 19, 21, 26, 28, 31, 34, 38, 43: «Сия – кни-га – глаголе-мая Арсе-ния – архи-епископа – келей-ная»²⁰. После смерти владыки Арсения она попала к невеликому помещику Александру Андреевну сыну Лодыженскому, который продал ее в 1692 г. митрополиту казначею Аарону. Сам же Аарон в 1708 г. завещал книгу на вечное хранение в Николо-Любятков монастырь, из которого, после его упразднения в 1765 г., том поступил в ризницу Псковского архиерейского дома, и, как это ни странно, круг перемещений книги замкнулся. Она упоминается под № 51 в «Описи мужеских и девичьих монастырей испражненных взятым из них для достодолжного охранения в Дом Его Преосвященства разным из церковной утвари вещам...». Там сообщается, что из Николо-Любяткова монастыря поступило 18 печатных книг, среди которых «Апостольских бесед одна Иоанна Златоуста на Евангелиста Матфея»²¹. Последним местом пребывания книги Иоанна Златоустого стала библиотека Троицкого собора, о чем есть соответствующая запись по ее нижнему полю на л. 15-19: «Псковскаго Кафедральнаго Троицкаго Собора 1862 году».

Упоминание о происхождении книги из келейного собрания Арсения означает ее принадлежность лично архиепископу. Поэтому не случайно, что после смерти архиерея в 1683 г. некоторые из его келейных книг, которые не были завещаны на помин души в храмы, разошлись по новым владельцам. Известно, что преосвященный Арсений предпочитал жить не в палатах Владычного двора, а в особых кельях над Троицкими воротами, построенных специально по его заказу в 1669 г. Владыка был известным библиофилом и знатком иностранных языков. Но, к сожалению, другие книги его не сохранились, или на них нет записей о принадлежности Арсению. Хотя, несомненно, его библиотека включала не только славяно-русские книги, отпечатанные в Москве или Киеве, но также издания европейского происхождения на латинском, греческом, польском и немецком языках. Косвенно на это указывают тексты эпитафий на его гробнице, находившейся в церкви Петра и Павла Сереткина монастыря²².

Преемник архиепископа митрополит Маркелл (1682 - 1691) «из ученых иностранцев» также являлся книжником и охотно приобретал новые издания Московского Печатного двора. При этом для пополнения архиерейской библиотеки он использовал казенные средства. Например, на Прологе первой половины (сентябрь - февраль) – М., 1675 г. по нижнему полю листов 1 - 31 есть запись: «Лета 7191-го (1682) септемвриа в ... день по указу великого господина и преосвященнаго Маркелла, митрополита Псковскаго и Изборскаго сия книга Пролог куплена на Москве на ево архиерейские домовые казенные деньги, а быти сей книге **в ево доме во крестовой палате** неизносно»²³. Названная крестовая палата, служившая домовой моленной архиереев, по-видимому, находилась на втором этаже главного здания Владычных палат, рядом с жилыми покоями митрополита Маркелла. Если предположить, что появление Благовещенского храма связано с началом перестройки Троицкого собора (с 1689 г.), то получается, что в 1682 г., когда была сделана эта запись на Прологе, отдельной церкви в честь Благовещения еще не существовало, и архиереи совершали келейные молитвы в крестовой, где также находилось собрание богослужебной литературы. Однако эти книги уже считались казенными и переходили в преемственное пользование последующих псковских владык.

Любопытно отметить, что ко времени появления в Пскове митрополита Маркелла в 1682 г. относятся его книжные дары в местные храмы. Это следует связывать с его стремлением к просветительской деятельности в новой для него епархии, получившей статус митрополии одновременно с его назначением. Владыка прибыл во Псков не с пустыми руками, но привез из столицы свежееотпечатанные книги для распространения. Причем некоторые из них были даже в нескольких экземплярах, что указывает на целенаправленный подбор литературы. На двух Евангелиях учительных воскресных, изданных в Москве в 1681 г., есть записи об архиерейских вкладах в храмы, находившиеся под владычной опекой. «Лета 7191-го / ноемвриа въ 1 день / Маркелль / Божією милостію / Православный / митрополить / Псковскій / и Изборскій / по-

велехомъ / сей Богодухновенной / книзе Толковому / Воскресному Евангелію / быти вКафолической / Церкви / Пресвятяя Троицы / во граде Пскове / дондеже благоволить Богъ / Аще ли кто сію / книгу похитить / да не будетъ на немъ / милость Пресвятяя Троицы»²⁴. На другом экземпляре, предназначенном для приписной к Троицкому дому Константино-Еленинской церкви в Царевой слободе на Запсковье, вкладная надпись сохранилась не вся, ее начало утрачено вместе с листами 1 - 8 второго счета, но можно понять, что в отсутствующей части был поименован Маркелл: «... Митрополита / Псковскаго / и Изборскаго / дана / сия Книга / Евангеліе учительное / **изъ Архіерейские / домовые / казны** / въ приписную / церковь / Благовернаго / Царя / Константина / и матери его / Елены / и быти / сее / книги / ись тое / церкви / неизносной, / и тое / церкви / попомъ / съ причетники / и приходскимъ / всякихъ / чиновъ / людемъ / своей / не называть, / и никому / не продать, и не закладать, / и не украсть, / а буде / кто / воровски / похитить, / и тотъ / буди / подъ клятвою / вечною»²⁵. Известны и другие вклады Маркелла, например, в 1688 г. им было подарено Евангелие в монастырь Сергия Радонежского с Залужья «въ помяновеніе родителей своихъ»²⁶.

При следующем митрополите Илларионе продолжалась практика архиерейских книжных вкладов. Но при этом круг храмов, в которые делались дары, ограничивался только теми из них, что относились к ведению Архиерейского дома. Особое внимание преосвященного было сосредоточено на строившемся при нем новом Троицком соборе. Еще кафедральный храм не был достроен, а Илларион уже заботился об обеспечении его свежееотпечатанными книгами. На Прологе второй половины года (за март - август), московского издания 1696 г., происходящем из Троицкой библиотеки, есть запись по л. 1 - 14: «... августа в ... день по указу великого государя нашего преосвященнаго Иллариона Митрополита Псковскаго и Изборскаго **выдана сия книга Пролог из казенные палаты во церковь Пресвятяя Троицы** вечно, а подписал казначей иеромонах Феропонт своею рукою»²⁷.

Незадолго до своей смерти Илларион составил завещание с распоряжением о пере-

распределении его личного имущества на помин его души. В 1698 г. состоялись книжные вклады из архиерейской библиотеки в различные храмы. В том числе одна из книг поступила на хранение в домовую архиерейскую казну, то есть осталась во владычном доме Святой Троицы. Это был популярный труд по истории России - «Синописис» Иннокентия Гизеля, изданный в Киево-Печерской Лавре в 1674 г. По нижнему полю Синописиса на листах 1 - 83 есть запись, сообщающая: «Лета 7206-го году по приказу памяти Иларіона митрополита Псковскаго и Изборскаго и по духовной его архіерейской отдана сія святая книга Синописисъ во Пскове **въ домовую архіерейскую казну** въ помяновеніе души его архіерейской и его сродниковъ преставлшихся, а быти сей святой книге въ томъ доме Пресвятыя и Живоначальныя Троицы вечно и никуда неизносно»²⁸. Приведенные записи указывают на различные книжные собрания, находящиеся в ведении Псковского Архиерейского Троицкого Дома:

1. Келейная библиотека. Она принадлежала лично владыке, подбиралась им по своему вкусу и интересам. Приобреталась на личные, а иногда и казенные деньги. Находилась в его жилых палатах. Со смертью архиерея поступала в ведение Троицкого дома, если не было особого завещания о перераспределении выморочного имущества.
2. Домовая или казенная книжница. Содержалась в особой ризнице или Казенной палате. Переходила во временное пользование от одного архиерея к другому. Состояла преимущественно из богослужбных, богословских и церковно-учительных книг.
3. Библиотека Троицкого собора. Помещалась в ризнице кафедрального храма. Имела самостоятельное значение для служебного пользования соборян.

Каждое из трех собраний имело свой книжный фонд, обособленное место хранения и было закреплено различными формами собственности. Поэтому для перемещения книг из одного собрания в другое необходимы были особые условия, оговаривавшиеся в приказах. Преосвященные могли по своему усмотрению передавать отдельные издания

из фондов архиерейской Казны, но только в те храмы, которые находились в ведении Троицкого дома. То есть в собор и приписные церкви, относящиеся к вотчинному хозяйству Архиерейского дома. Чаще всего и задушные вклады владык были предназначены именно для таких храмов. Например, тот же Илларион завещал в загородный архиерейский дом при Пантелеймоновском Монастыре на реке Черехе «Требник» издания московского Печатного двора 1688 г., о чем на книге имеется запись. «Лета 7206-го (1698) году августа въ ... день по [приказу] б[лаже]нные памяти преосвященнаго Иларіона, митрополита Псковскаго и Изборскаго, и по духовной его архиерейской отдана сія святая книга Требникъ Псковскаго архиерейскаго дому въ приписной Пантелеймоновской монастырь, что въ Бору, **изъ келейные ево рухляди** въ помяновеніе души его [а быти сей] святой книге въ той святой обители въ Пантелеймоновскомъ монастыре вечно и никуда неизносно»²⁹. Другая книга под названием «Службы, житие и чудеса Николая Чудотворца» (М.: Печатный двор, 1694 г.) была подарена посмертно в приписной Николо-Кожин монастырь на Завеличье. В записи на ее полях сказано: «Лета 7206-го (1698) году августа в 4 день по приказу блаженные памяти преосвященнаго Иларіона, митрополита Псковскаго и Изборскаго, и по духовной его архиерейской отдана сія святая книга Житие Николая Чудотворца в Кожин монастырь в помяновение души его архиерейской и его сродников преставлшихся, а быти сей святой книге в том Кожином монастыре вечно и никуда неизносно»³⁰.

Распределяя свою келейную библиотеку, Илларион не забывал и о своих духовных друзьях. Одну из певческих книг «Ирмологий с месяцесловом», московского издания 1673 г. он завещал передать «бывшему Тифина монастыря архимандриту Макарию в помяновение души его архиерейской и его сродников преставлшихся, а быти сей святой книге у него Макарья келейной»³¹. Однако по какой-то причине, а может и за дальностью пути, книга так и не была доставлена по назначению, но осталась в Пскове.

Пополнение книжных фондов Архиерейского дома тесно связано не только с

духовно-просветительной, но и с хозяйственной деятельностью псковских владык: их приобретениями, и распоряжением церковным имуществом. В этой связи необходимо отметить, что на Владычном дворе находился Архиерейский приказ, ведавший хозяйственным управлением Псковской епархии и Троицкой вотчиной. В него поступали денежные сборы от доходов духовенства, отчисляемые в пользу правящего архиерея. Случалось, что при отсутствии необходимых средств в качестве оплаты в Приказ передавались редкие или ценные книги. Так, в конце XVII века в Архиерейский дом поступила книга Лазаря Барановича «Меч духовный», киевского издания 1666 г., о чем на внутренней стороне нижней доски переплета тогда же была сделана запись: «Взята въ Приказъ изъ Острова за пошлыны»³². Затем эта книга была отдана в ризницу Троицкого собора.

Библиотека Митрополичья двора в Кремле находилась под надзором особого ризничего. По данным переписи Пскова 1711 г., при митрополите Иосифе (Римском-Корсакове) служил «ризничей иеродьякон», которому выплачивалось годовое жалованье в размере шести рублей. Это наибольшая сумма среди прочих окладов, указанных в перечне митрополичьих служителей, поскольку остальным должностным лицам выплачивалось от трех до пяти рублей в год³³.

Ēí ēāī ōđāī ēēēūā ā ēī ēī ēī ēūí ā
Ōđī ēōēī āī nī āī đā

Кроме библиотек Архиерейского двора и Троицкого собора в Кремле существовало еще одно книжное собрание, находившееся в ведении епархиальной администрации. Оно сложилось уже в XVIII в. и располагалось в соборной колокольне. Как установил А.М.Лебедев, существующая ныне колокольня была построена «в промежуток между 1704 и 1706 гг.». «При ее высоте работы должны были вестись 2 - 3 сезона и, следовательно, дату ее завершения можно отнести на 1706 г.»³⁴. В современном виде она имеет 8 ярусов, с учетом всех этажей, чердаков и уровней звона. Но 4 верхних яруса появились в начале XIX века после надстройки колокольни для добавления второго уровня

звона. Первоначальный же проект предусматривал только четыре яруса: верхний использовался для развески колоколов, а три нижних служили для иных целей. Нас будут интересовать именно нижние помещения, которые непосредственно не связаны с главным предназначением колокольни. К сожалению, А.М.Лебедев, в своей статье описывая конструктивные и архитектурные особенности этажей колокольни, приводя ее планы и разрезы, нигде не сообщает сведений из истории использования этих помещений.

Между тем, их планировочная структура была заложена с самого начала в проекте здания, поскольку палаты нижних этажей предусматривались для каких-то важных целей. Выяснить их назначение помогают указания архивных источников и сведения из краеведческой литературы. В «Описании и изображении древностей Псковской губернии» инженер-полковника И.Ф.Годовикова в пояснениях к чертежам колокольни (лист XVI) указывается, что «первый и второй этаж – помещение для церковнослужителей»³⁵. Таким образом, к середине XIX в. палаты нижних ярусов использовались как жилые помещения для причетников. Однако такое применение было вторичным, а первоначально палаты строились как помещения для книжницы и ризницы. О существовании в XVIII веке библиотеки в здании колокольни свидетельствует А.С.Князев в своем «Очерке истории Псковской семинарии» (1866 г.). Он отмечает, что в конце XVIII в. семинарская библиотека была весьма скудна литературой, и в ней всех книг было только 71 сочинение. «Впрочем, ни наставники, ни ученики, желавшие заниматься науками, не были лишены средств к тому. Прекрасным пособием для тех и других, в этом случае, служила помянутая **Архиерейская Библиотека**. Она составила из частных, богатых, библиотек ученых пастырей Псковских, каковы были: Симон Тодорский, Гедеон Криновский, Иннокентий Нечаев. **Помещалась она в соборной колокольне и находилась в заведывании Кафедрального Протоиерея**. Ею и пользовалась Семинария, с разрешения Преосвященного. В начале настоящего (XIX) столетия, она передана в Семинарию»³⁶. Ходатайство семинарского правления перед ар-

хиереем о передаче библиотеки было подано Иринею (Клементьевскому) в 1801 г.

Итак, на протяжении всего XVIII в. внутренние помещения колокольни использовались для хранения церковных книг и утвари. Такая практика не была чем-то необычным в России, наоборот, есть немало примеров использования «колокольниц» для книгохранения. По наблюдениям М.И.Слуховского, «весьма распространено было хранение библиотеки вне храма, на колокольне, на разной высоте ее. Боровский Пафнугтевский монастырь держал на втором этаже колокольни, построенной в XVII в., в особых палатах, ризницу и библиотеку. В Даниловском Троицком монастыре Переславля-Залесского на колокольне, построенной в 1689 г., в среднем ярусе также помещалась ризница и библиотека. Флорищева пустынь, Владимирской области, отвела на колокольне для библиотеки «древнюю комнату». Последняя именовалась также «подвалом и кладовыми, где хранятся печатныя и рукописныя книги». Звенигородский Саввино-Сторожевский держал библиотеку с архивом в среднем ярусе колокольни в двух комнатах»³⁷ и т.д. То же можно сказать и про обширную каменную колокольню Кирилло-Белозерского монастыря, возведенную во второй половине XVI в. Ее внутреннее устройство имеет схожие черты с псковской соборной колокольней. По описи монастырской 1773 г. «въ помянутой колокольне три полаты: 1 снизу кладовая; въ нее двери, въ дверяхъ щитъ деревянной на крюкахъ и петляхъ железныхъ; на верхъ оной 2 полата книгохранительная, въ нее двери, въ дверяхъ щитъ деревянной на крюкахъ железныхъ, съ лица обить жостью, в немъ внутренней двоевалешной замокъ, при ономъ щите снаружи затворъ железной; на верхъ той второй полаты третия полата къ большой ризнице проходная, въ нее двери, въ дверяхъ затворъ железной. Въ оныхъ трехъ полатахъ 17 окошекъ, въ нихъ оконницы стеклчатые выкрашены краскою зеленою, тверды»³⁸.

У псковской колокольни «просторные, квадратные в плане палаты двух нижних ярусов, перекрытые сомкнутыми сводами с высоким подъемом. Откосы окон имеют большой рассвет, отчего маленькие снаружи окна в помещении выглядят весьма значительны-

ми. Распалубки над проемами смело врезаются в основной свод, придавая ему легкость. Из палаты второго яруса имеется вход во внутрисконную каморку, в которой, видимо, располагалось отхожее место. Третий ярус перекрыт пологой крышей с уклоном в проемы звонов. ... Три нижних яруса связывает круглая внутрисконная лестница, перекрытая ступенчатыми сводиками. В толще западной стены и северо-западного столба звонов проходит первоначальный дымовой канал, начинающийся в нижнем ярусе»³⁹. Палата третьего яруса могла служить кладовой. Это темное, холодное, неотопливаемое помещение, из которого поднимаются к звону. В палатах двух нижних ярусов в северо-западном углу находились печи. Покои первого этажа освещены пятью окнами. На втором этаже четыре широких окна и одно малое на южной стороне, обращенное во внутрисконную лестницу, где, в свою очередь, напротив, также имеется окно на улицу. В палатах первого и второго этажей в центре сводов закреплены кованые кольца для подвески паникадил, служащих для освещения. Таким образом, покои нижних ярусов колокольни были благоустроены как раз для хранения книг и ценной церковной утвари.

Теперь необходимо уточнить состав и характер этого книжного собрания. Из выше приведенных сведений А.С.Князева можно заключить, что в колокольне откладывались на хранение книги из выморочного имущества псковских архиереев. Выше уже приводились примеры перераспределения церковно-славянских изданий по духовным завещаниям местных владык из их келейных библиотек в конце XVII - начале XVIII вв. Но книгохранилище в колокольне отличалось от обычных церковных собраний, прежде всего, тем, что в нем накапливались книги на иностранных языках, которые не могли использоваться в богослужениях, а потому и не завещались как вклады в церкви на помин души.

Другая особенность хранилища в колокольне состоит в том, что туда помещалось имущество из приписных и упраздненных церквей и монастырей. Долгое время это было закрытое собрание. И лишь в конце XVIII века его книжные фонды, отделенные

от прочей утвари, стали доступны для пользования преподавателей Семинарии.

Основная масса книг кирилловской печати поступала в колокольницу в периоды проведения секуляризации при Петре I и Екатерине II. Особенно увеличилось поступление во время правления псковского архиепископа Иннокентия Нечаева (1763 - 1798). Тогда, в 1764 г., с учреждением духовных штатов упразднены были «многие в городе Пскове и во Псковской епархии монастыри»⁴⁰. Следствием этого явилось изъятие всего их ценного имущества в Псковский архиерейский дом Святой Троицы. Для размещения такого большого количества предметов необходимо было использовать помещения в Кремле. Наиболее подходящими являлись палаты колокольни. Именно туда были направлены для хранения вещи из закрытых мужских монастырей города Пскова и его уезда.

Сохранилась «Опись мужеских и девичьих монастырей испражненных взятым из них для достодолжного охранения в Дом Его Преосвященства разным из церковной утвари вещам, а которых монастырей и каковыя имянно вещи о том явствует под сим порознь». Ее составление следует отнести к началу 1765 г., поскольку самая ранняя дата, указанная в документе, – 28 мая 1765 года⁴¹.

Чтобы наглядно представить состав книжных фондов, приведем их выборку из описи, с соблюдением последовательности и некоторых особенностей орфографии источника. Опускаем описание различной утвари, которое не менее интересно, но выходит за рамки нашей темы. Реестр содержит примечания на полях о последующем употреблении перечисленных предметов. Эти заметки относятся к периоду с 1765 по 1789 гг. Для удобства помещаем их вслед за описанием книги в круглых скобках. Первый номер сквозной по порядку, второй взят из подлинника, где все вещи записаны под своими номерами.

/Л. 1./ «**Николаевского Любятова монастыря.**

1. (1). Ев(а)нгеліе напрестолное, лутчее новоісправное Московскои печати на Александріиской бумаги. Облажено краснымъ бархатомъ; верхняя дска серебряная золоченая посреди Исуссъ на престоли сидящій

и четыре Евангелиста серебряныя белыя чеканные местами золоченыя. На нижней дски Крестъ Господень і четыре науголника і застешки серебряныя белыя местами жъ золоченыя. (Въ Соборе въ употребленіи въ воскресные дни).

2. (2). Второе Ев(а)нгеліе дестевое жъ Александріиской бумаги киевской печати. На немъ Распятіе Господне і четыре Ев(а)нгелиста серебряныя золоченыя чеканные; позади по угламъ і на середине пять плащей і въ нихъ пять камневъ хрустальныхъ; застешки съ плащами жъ на нихъ Херувимъ серебряныя; вокругъ досокъ облажено серебромъ же золоченымъ глаткимъ. ...

/Л. 5 об./ (44). Обресковъ серебряныхъ отъ Евангелской дски весомъ дватцать два золотника. (По приказанію его Преосвященства оное серебро взято въ Москву для ризничныхъ починокъ).

Книгъ печатныхъ:

3. (45). Евангеліе толковое неделное новоісправное, въ дестъ.

4. (46). Второе Евангеліе повседневное.

5. (47). Третее Евангеліе Кирилла Транквиліона.

6 - 7. (48). Две книги Сумфоніи.

8. (49). Книга Ефрема Сирина. (Отдана въ Златоустовъ ігумену ...).

9. (50). Сборникъ новоісправной.

10. (51). Апосталскихъ беседъ одна Іоанна Златоуста на Евангелиста Матфея. (У отца ігумена Сумона (?) взяты).

11. (52). Киевской печати Патерикъ.

12. (53). Библия новоісправная. (Библия въ 789-мъ году по приказанію его преосвященства отдана секретарю Агафону Яковлеву въ Петербургъ).

13. (54). Книга Лексиконъ въ полдестъ.

14. (55). Пращица.

15. (56). Ермологіи ветхой.

16. (57). Кононы Богоматери съ малымъ повечеріемъ 8 гласовъ.

17 - 18. (58). Службниковъ два ветхія единъ ізъ нихъ новоісправной. [...].

/Л. 6./ **Елеазаровскаго Трехъ С(вя)тителскаго монастыря церковной утвари.**

19. (60). Ев(а)нгеліе напрестолное въ дестъ выходу 1681 году облажена дска верхняя серебромъ глаткимъ съ подписью, на середине образъ Спасителевъ съ предстоящими;

по угламъ четыре Ев(а)нгелиста сребренныя чеканныя.

20. (61). Второе Ев(а)нгелие въ дестъ выходу 7165 году обложено бархатомъ червленьимъ, верхняя дска обложена серебромъ глаткимъ золоченымъ. На середине Распятіе и по угламъ Ев(а)нгелисты сребренныя золоченыя чеканныя. (Отослано въ Святейшій Свнодь для отдачи въ полкъ).

21. (62). Третее Ев(а)нгелие въ дестъ выходу 1735 году дска облажена мед(ь)ю позолоченою, на середине Спасителевъ Образъ и четыре Ев(а)нгелиста. І застешки сребренныя чеканныя белыя. [...].

/Л. 8./ Книгъ печатныхъ.

22. (102). Ев(а)нгелие вседневное толковое въ дестъ.

23. (103). Една книга Четій 3 месяца отъ декабрия. Киевской печати. /Л. 8 об./

24 - 25. (104). Два Пролага старыя полгода отъ сентябрия.

26. (105). Октой ветхой перваго гласу. (Отданъ въ Воскресенскую изъ Домонтовой стѣны церковь Октай).

27. (106). Шестодневъ ветхой одинъ.

28 - 29. (107). Два Ев(а)нглія воскресныхъ толковыхъ.

29. (108). Тріод(ь) Постная.

30 - 31. (109). Библия новоисправная.

Книга Ефрема Сирина въ дестъ. (Оныя отданы подъ росписку крыпецкому ігумену Иоанникію, августа 10 дня 1765-го года).

32 - 33. (110). Две книги Симфоніи.

34. (111). Книга Іоанна Лествечника.

35 - 37. (112). Три Службника. (Единъ отданъ въ Воскресенскую церковь изъ Домонтовой стѣне. Другой отданъ въ Златоустовскую церковь).

38. (113). Пращица выходу 1726 году.

39. (114). Патерикъ Киевопечерской.

40. (115). Правилникъ киевской печати.

41. (116). Лексиконъ трия(зы)чной въ полдестъ.

42. (117). Ермологій нотной въ полдестъ ветхой. (Въ соборе въ крылосе). [...].

/Л. 9 об./ **Во Пскове на подворье изъ церкви Пятчисленныхъ мучениковъ.** (Здѣсь ошибка, должно быть – «изъ церкви Преполовения Пятидесятницы» на приездемъ дворе Спасо-Преображенского Великопустынского монастыря. С 1766 г. подворье

передано Трехсвятительскому Елеазаровскому монастырю вместе со всемъ имуществомъ упраздненной Великопустынской обители⁴², но утварь изъ церкви Преполовения Господня новымъ владельцамъ возвращена не была – А.П.). [...].

43. (135). Ев(а)нгелие на престолное ветхое писменное въ полдестъ, на верхней дски писано красками на золоте Распятіе Христова съ предстоящими. [...].

/Л. 10 об./ Книгъ церковныхъ:

44 - 45. (151). Два Службника старопечатныя ветхія.

46 - 48. (152). Две Трѣоди Постныя и Цветная старопечатныя. (Отданы въ Дим(итриевскую) ц(ерковь) (Довмонтова города. – А.П.).

49 - 58. (153). Миней м(е)с(я)цъныхъ годъ бездву м(е)с(я)цовъ: декабрия і генваря. Ветхія. (Една октябрская минея).

59. (154). Минея Общая святымъ. (Общая).

60 - 62. (155). Три Апостола. Изъ нихъ два ветхія. (Единъ Апостоль отданы въ Дим(итровскую) ц(ерковь)).

63 - 65. (156). Три Октоиха. Изъ нихъ одинъ ветхой. (Единъ отданъ въ Воскресенскую церковь (изъ Домантовы стѣны. – А.П.)).

66. (157). Минея ноябрская старопечатная, въ полдестъ, ветхая.

67. (158). Ермологій ветхой. [...].

/Л. 11./ **Псковоградскаго Іоанна Златоустовскаго м(о)н(а)ст(ы)ря церковной утвари:**

68. (163). Ев(а)нгелие на престолное въ дестъ, новоисправное. Оболчено бархатомъ зеленымъ. Верхняя дска сребреная золоченая, на ней Спасителевъ образъ і Ев(а)нгелисты і одна застешка сребренныя; на нижней дски пять плащей сребреныхъ белыя, да подпись, что далъ то Ев(а)нгелие въ церковь Іоанна Златоуста С(вя)тейшій Патріаръ Іоасафъ Московскій і всеа Россіи. (Въ футляре. Отослано въ Святейшій Свнодь въ полки). [...].

/Л. 12 об./ Со Іоанно Предотечевской церкви за ветхостию образовъ снятыхъ сребреныхъ венцовъ і гривенокъ: ... /Л. 13/ Въ сундуке за печатью м(о)н(а)ст(ы)рскою и ігумена Іларіона: ... /Л. 13 об./ Оныя вещи приняты за присмотромъ Мирожскаго м(о)н(а)ст(ы)ря

- отца архимандрита Иринарха і отца префекта ігумена Іларіона ізъ сундука: /Л. 14/ [...].
- Книгъ Печатныхъ:
69. (203). Беседы Іоанна Златоуста на Ев(а)нгелиста Матфея.
70. (204). Книга Григорія Назіанзіна.
- 71 - 73. (205). Три Службника ветхія. (Одинъ отданъ въ Демяницкой погость).
- 74 - 77. (206). Четіи четыре книги годъ. (...неразборчиво).
78. (207). Апостоль ветхой. (Отданы въ Ильинскую церковь Деменитцкаго погоста (и) Миней).
- 79 - 90. (208). Двенадцать Миней м(е)сечныхъ въ годъ ветхія. (Отданы въ Ильинскую церковь Деменитцкаго погоста Миней).
- 91 - 92. (209). Два Актя на 8-мь гласовъ. (1-го гласу отданы въ Добривицкой погость).
93. (210). Миней Общая С(вя)тымь.
- 94 - 95. (211). Две Треоди Постная и Цветная. (Цветная отдана въ Златоустовъ).
- 96-97. (212). Два Пролога полугодовыя. (Отданы въ Златоустовъ). /Л. 14 об./
98. (213). Ермологій ветхой одинъ. (Отданъ въ Златоустовъ).
99. (214). Требникъ ветхой одинъ. (Въ Консторіи).
100. (215). Евангеліе Толковое неделное.
- Козмодемьянскаго Гремячего монастыря.**
101. (216). Церковныхъ вещей Ев(а)нгеліе напрестолное въ дестъ. Верхняя дска обложена мед(ь)ю позолоченною; на середине (Страсти Христовы) Христось съ предстоящими, а по угламъ Ев(а)нгелисты сребренныя чеканныя золоченныя; застешки резныя на исподней дски наугольники сребренныя чеканныя. [...]. /Л. 15 об./ Книгъ печатныхъ:
102. (235). Треод(ь) Постная въ дестъ.
103. (236). Одна книга Беседы на Ев(а)нгелиста Іоанна Б(о)гослова.
- 104 - 106. (237). Три книги Четіи девяти м(е)с(я)цовъ отъ марта.
105. (238). Службникъ одинъ новоісправной. (Отданъ въ Златоустовъ).
106. (239). Требникъ киевской печати. Правилникъ. /Л. 16/. **Петропавловскаго Сереткина м(о)н(а)ст(ы)ря церковной утвари.** [...]. /Л. 16 об./ Книгъ печатныхъ.
107. (256). Евангеліе воскресное толковое въ дестъ.
108. (257). Требникъ старопечатной въ дестъ. (Въ Консвсторіи). /Л. 17/.
109. (258). Службникъ новоісправной въ полдестъ ветхъ.
110. (259). Беседы съ Іоанно Златоустаго на Ев(а)нгелиста Матфея первыя части.
111. (260). Того жъ Златоустаго на Ев(а)нгелиста Матфея вторыя части.
112. (261). Того жъ Іоанно Златоустаго Беседы на Ев(а)нгелиста Іоанна Б(о)гослова.
113. (262). Книга Григорія Назіанзіна въ дестъ московской печати.
114. (263). Ефрема Сирина въ дестъ.
115. (264). Того жъ Ефрема старопечатная въ полдестъ.
116. (265). Службникъ старопечатной въ полдестъ.
117. (266). Миней мелкои печати въ дестъ трехъ м(е)с(я)цовъ отъ сентября.
118. (267). Ев(а)нгеліе воскресное толковое въ дестъ новоісправное.
119. (268). Райской соборникъ старопечатной въ дестъ.
120. (269). Книга Іоанна Лествечника въ дестъ. (Отъ его преос(в)щенства взята обратно).
121. (270). Патерикъ Киевопечерской въ дестъ.
- 122-123. (271). Миръ зБ(о)гомъ, да Трубы словъ проповедныхъ въ дестъ. (Онныя взяты подъ расписку псковопечерскимъ отцомъ архимандритомъ Іосифомъ).
124. (272). Ев(а)нгеліе вседневное московской печати въ дестъ.
125. (273). Ев(а)нгеліе Транквиліона въ дестъ.
126. (274). Пращица въ полдестъ. /Л. 17 об./.
127. (275). Ев(а)нгеліе напрестолное выходу 1662 году. Въ переплете, обложено зеленой камкой старой.
- 128 - 132. (276). Пять книгъ Четій десять м(е)с(я)цовъ отъ декабря до сентября. (У его Преос(вя)щенства. Отъ Его Преос(вя)щенства зданы и отданы эконому іеромонаху Зозонту для роздачи братіи въ келліи; маіа 28-го дня 1765 года).
- Къ сей описи Псковскаго первопрестольнаго Троицкаго Собора ключарь іерей

Иоанъ Парфеніевъ руку приложилъ. Къ сей описи Псковской Тѣнской палаты благочинный Николаевскіе церкви со Усохи с(вя)щенникъ Павелъ Архіпповъ руку приложилъ».

Приведенный список из 132 единиц представляет только ту часть книжных собраний шести мужских монастырей, которая попала на хранение в соборную колокольню. В действительности их старые книжные фонды во времена самостоятельности, несомненно, были богаче. Но перед изъятием утвари из упраздненных монастырей какая-то часть их библиотек разошлась по иным владельцам. Например, существует описание имущества Спасо-Преображенского Великопустынского монастыря 1742 г. с перечнем книг на подворье обители во Пскове при церкви Преполовления Пятидесятницы. В ней перечислено 38 книг⁴³. Позднее, согласно описи 1765 г. в Архиерейский дом из них поступило только 24 книги. Остальные 14 к тому времени оказались утраченными.

Изъятые имущество не было сложено мертвым грузом, но постепенно, по приказанию архиерея, перераспределялось в другие действующие церкви и монастыри, в Троицкий собор, в Духовную Консисторию и на архиерейское псковское подворье в Петербурге, в Святейший Синод «для отдачи в полки», и в Москву «для ризничных починок». Кое-что использовалось даже в частных случаях при необходимости. Так, епитрахиль объяри голубой из Гремячего монастыря была «положена во гробъ съ протопопомъ Иоанномъ Афонасьевымъ». Некоторые книги давались во временное пользование для чтения «подъ расписку» псковопечерскому архимандриту Иосифу, эконому иеромонаху Созонту «для роздачи братіи въ келліи», и самому архиепископу Иннокентию.

В конце XVIII века с накопленной библиотекой в колокольне стали поступать более решительно, очевидно, желая от нее избавиться и освободить место для других надобностей. Так, 14 марта 1793 г. состоялось распоряжение владыки о том, чтобы к закупленным в Петербурге для Псковской Семинарии книгам на сумму 73 р. 2 к. были добавлены книги из «Казенной Его Преосвященства библиотеки к отдаче в Семинарию», и о «продаже из Казенной библиотеки книг,

находившихся без употребления, и об обращении за оныя суммы на приращение той библиотеки»⁴⁴. В то же время часть литературы кирилловской печати поступила из колокольни в ризницу Троицкого собора.

Т рѣта 1 31 2009

Время Петровских реформ коренным образом изменило судьбу Пскова и псковичей. Северная война за овладение Прибалтикой надорвала хозяйство Псковской земли, изменила геополитическую ситуацию на северо-западе России. Строительство новой столицы – Санкт-Петербурга – привело к утрате Псковом всех былых преимуществ, которые делали его виднейшим торговым и культурным центром региона, пограничным форпостом и многочисленным ремесленным посадом.

Кроме того, рубеж XVII - XVIII веков характеризуется для культуры Пскова постепенным размыванием традиций и канонов церковного искусства. Местное храмовое зодчество приобретает московские черты и формы. Утрачивается псковская школа иконописи. Прежнее одухотворенное знаменное пение с XVIII века уступает место душевно-расслабленному партесному многоголосию, заимствованному у католиков. При Петре I происходит усугубление никонианской реформации за счет полного порабощения Церкви государству и дальнейшей намеренной ломки русских традиций. Петр откровенно противопоставил идею Святой Руси идеологию «регулярного государства» и имперского строительства, насаждая секуляризованную западноевропейскую культуру.

Начало реформ Петра I совпало с правлением на псковской архиерейской кафедре **митрополита Иосифа** (1699–1717). Масштабную реформу русской православной церкви инициировал сам Петр, стремящийся освободиться от влияния консервативного духовенства, возглавляемого патриархом, которое препятствовало его нововведениям. Кроме того, для проведения задуманных царем государственных преобразований и предполагаемых военных действий требовались большие средства. В казне их как всегда не хватало. Огромные финансовые и земельные

ресурсы духовенства были крайне необходимы Петру для реализации его замыслов. Эти обстоятельства и определили первый этап церковной реформы.

Кончина патриарха Адриана 16 октября 1700 г. предоставила самодержцу удобную возможность приступить к переустройству церковного управления с целью подчинения его государственной власти. В январе 1701 г. царским распоряжением была возобновлена деятельность Монастырского приказа, и все хозяйственные дела российского духовенства, его владения и имущество передавались в ведение светских властей.

В результате этой законодательной деятельности Петра I церковь фактически «потеряла свои вотчины и они перешли в руки государства. Другими словами, в 1701 г. была произведена полная секуляризация церковных владений и имущества»⁴⁵.

Эти радикальные изменения в церковной жизни совпали с началом Северной войны и вводились сразу после поражения русских войск под Нарвой. В Пскове в это время велись грандиозные работы по укреплению города, вокруг стен которого возводились огромные земляные валы: «куртины и патрии». В работе было задействовано все городское население, в том числе и духовенство с его работниками и крестьянами. По свидетельству И.А.Желябужского, при строительстве земляных валов и «полисадов» в Пскове были сломаны и забиты землей многие церкви. В основном, засыпались приходские и монастырские храмы и другие постройки, стоявшие внутри города вдоль левого берега реки Псковы, оказавшиеся на линии возводимых укреплений. Так, в Домонтове городе под земляным бастионом Рождественской батареи были погребены церкви Николы над Греблей, Покрова и Рождества Богородицы, Святого Духа. Южнее, вдоль городской стены Среднего города у Рыбницких ворот соорудили «куртину с щитом»: «в той куртине церковь, что была на площади во имя Иоанна Богослова, сверха обложена и засыпана землею, обделана и покрыта дерном»⁴⁶. Выше, по течению реки Псковы, внутри города, установили артиллерийские батареи над засыпанными церквями Богоявления с «Бродов», Богоявления «со

Кстовы», и монастырями Параскевы Пятницы «с Песок», Благовещенским «с Бугру» и Никольским в «Песках»⁴⁷.

Внутреннее убранство засыпанных и упраздненных храмов: иконы, утварь, книги, документы и прочее, забиралось в казну или передавалось по усмотрению администрации другим храмам, иногда даже в другой город. Так, позднее по письменному распоряжению Петра от 16 июля 1704 г. обер-коменданту Пскова и Дерпта К.А. Нарышкину следовало отправить из Пскова «к Нарве 2000 человек, а самому с 3000 человек итти к Дерпту для укрепления онаго, и притом привезть с собою иконостас в церковь; а которую церковь освятить, о том впредь писать сам буду»⁴⁸.

Вскоре некоторое послабление в государственной политике по отношению к духовенству все же произошло. В 1705 г. в церковной реформе наметился частичный отход от жесткой линии сплошной секуляризации церковных владений. Пять епархий, в числе которых Псковская и Новгородская, были выведены из-под управления Монастырского приказа. Такое решение стало возможным по следующим причинам: во-первых, большинство монастырей этих епархий оказались малолюдными, маловотчинными и не располагавшими достаточным количеством средств, необходимых для поддержания своей жизнедеятельности. Ранее такие бедные обитатели частично субсидировались из государевой казны, которая предоставляла ругу на их содержание. После отнятия вотчин они и вовсе пришли в упадок. Во-вторых, близость к театрам военных действий ставила прифронтовые области в более тяжелое положение по сравнению с внутренними территориями государства. Беспрестанные дополнительные поборы на армейские нужды, разорительные постой воинских частей, требования о поставках подвод и фуража приводили население северо-западных земель России к крайнему оскудению. Поэтому возвращение псковским монастырям их вотчин и выведение их из подчинения Монастырскому приказу давало спасительную возможность для восстановления разрушенных монастырских хозяйств, предотвращая тем самым их полное разорение⁴⁹.

Но на этом бедствия псковского духовенства в годы правления преосвященного

Иосифа не ограничились. В августе 1710 г. при возвращении псковских полков из-под Риги в город проникла чума, эпидемия которой привела к катастрофическим последствиям. По свидетельству новгородского летописца: «...И толикое множество помре людей во Пскове, яко погребати не успеваху и на всяк день у всякой церкви погребут человек 40 или 50 или 60, а иногда и болше, многия церкви быша без пения, яко священники помроша...»⁵⁰. Вслед за мором 8 ноября того же 1710 г. случился сильнейший пожар, охвативший весь город. В огне погибло множество городских деревянных построек. Пострадали от огня, и даже выгорели изнутри некоторые каменные церкви с имуществом⁵¹. После такой трагедии от мора население Пскова резко сократилось более чем в три раза: с 19003 до 5714 душ обою пола. Эти события непосредственно повлияли на упадок всей жизни Пскова, включая положение церкви. Уменьшилось число действующих церквей и монастырей в связи с сокращением прихожан и монашествующих. Достаточно отметить поминальную запись в синодике Псково-Печерского монастыря, где перечисляются 240 душ «скончавшихся во время мороваго поветрия в лето 1710-м году сего Печерскаго монастыря братии скоропостижною смертию». В список включены не только монахи, но также миряне - жители Печерского посада⁵². Долгое время после «пожарного разорения» храмы не возобновлялись и стояли в запустении.

После смерти митрополита Иосифа в 1717 г. псковская кафедра пустовала более полутора лет. Лишь в июне 1718 г. горожанам стало известно, что в С.-Петербурге государь назначил архиереем во Псков ученого выходца из Малороссии ректора Киево-Могилянской академии **Феофана Прокоповича** (1718-1725). Новый владыка не сразу появился в городе и в дальнейшем предпочитал жить не в своей епархии, а в столице, где одновременно состоял в должности вице-президента св. Синода.

Новый архиерей застал псковскую провинцию крайне разоренной и запущенной, а город безлюдным и полуразрушенным. Позднее он писал об этих первых своих впечатлениях: «Врученная мне епархия велми

скудна... А дом (архиерейский. – А.П.) я застал весьма нагий и пометеный... триста дворов (крестьянских за ним. – А.П.) скажут на лице насилу сыщется: мором пустоты много сделалось. И еще через несколько лет прежде меня и при мне великий недород был». Увидев псковскую скудость и захолустье, Феофан был доволен хотя бы тем, что ему позволили жить в столице: «... понеже жить велено в С.-Петербурге (что мне благоприятно и радостно есть)...» и сетовал на то, что разоренная епархия не могла дать достаточно средств для его архиерейского содержания⁵³.

В то время в Пскове к архиерейскому дому были приписаны 18 монастырей и 23 церкви (всего 41 церковь) и «те монастыри и церкви... многие запустели, а церковного пения и украшения и вновь строения нет». Вседневная служба сохранялась тогда лишь в 22 приходских храмах, оставшихся под ведением посадских людей⁵⁴.

Летом следующего 1719 г. Феофан вновь посетил Псков и продолжил объезд епархии.

10 мая 1720 г. он писал своему другу Якову Маркевичу, делясь впечатлениями об этой поездке: «Наконец нужно сказать что-нибудь о посещении нашей епархии в течение прошлого лета. Был я в Ревеле в сопровождении архимандрита Петра и отца Михаила и в высшей степени почетно был принят префектом города, консулом, также суперинтендантом и школьными профессорами равно и нашими военными начальниками. Поставил я там протопресвитера и вручил ему писанные правила для обуздывания своенравных священников. Оттуда через Ливонию направивши путь к Дерпту, мы заехали в село Альп для осмотра семинарии... Отсюда мы прибыли в Дерпт. Город когда-то знаменитый, красовавшийся гордыми зданьями, которые ныне находятся в таком плачевном разрушении, что наводят ужас на зрителя. После того мы отправились в монастырь наших раскольников в селении, называемом Репина мыза. Там живут почти 500 мужчин и столько же или более женщин. Но к нашему приезду все рассеялись по лесам, оставив пустой дом, так что не нашлось никого, кому бы мы могли проповедывать. Затем, осмотревши Псков и некоторые другие места, мы возвра-

тились в Нарву, а оттуда в Петербург, проехав почти 200 миль»⁵⁵.

Страстный библиофил Ф. Прокопович повсеместно скупал и собирал книги. В этой своей поездке он приобрел в Нарве и Ревеле до 300 книг. А по приезде в Псков, вспоминал владыка в том же письме: «я услышал, что в псковском арсенале хранятся книги, забранные в Дерпте (как военный трофей. – А.П.) и тотчас же просил императора, чтобы он приказал передать их мне. Государь приказал. Переданы были и перевезены ко мне сюда (в С.-Петербург. – А.П.) **2500 книг**»⁵⁶.

Но помимо этих книг Феофан вывез из Пскова в свою петербургскую резиденцию на Васильевском острове и старинную библиотеку Псковского архиерейского дома, которую многие десятилетия собирали его предшественники, а затем и значительную часть епархиального архива с немалым количеством документов. Страсть Феофана к книжным раритетам была еще в большей мере удовлетворена, когда Петр поручил ему писать историю своего времени и для этого повелел доставить в Синод в распоряжение преосвященного «из всех епархий и монастырей... все рукописи, заключающие в себе летописи, степенные книги, хронографы и т.п., списать их, списки оставить в библиотеке, а подлинники отослать в прежнее место, откуда взяты»⁵⁷. Так в библиотеку Феофана Прокоповича попали рукописные исторические книги, в том числе Хронограф с Псковской летописью XVII в. особого состава⁵⁸.

Однако собрание документов и книг псковского архиерейского дома так и не было возвращено на прежнее место и осталось в огромной библиотеке Феофана, насчитывающей к концу его жизни до 3,5 тысячи томов. В 1725 г., сделавшись новгородским архиереем, он перевез ее в Новгород, где впоследствии она «долгое время хранилась в Новгородской духовной семинарии и уже в советское время была передана в Ленинградскую публичную библиотеку»⁵⁹. Таким образом, следует отметить, что крупнейшая библиотека в России того времени, принадлежавшая Феофану Прокоповичу, составила в период его пребывания псковским архиереем. Именно из Пскова он вывез огромную партию трофейных книг на иностранных языках (латинском,

греческом, немецком, французском, итальянском и даже арабском и еврейском языках). Русские же и славянские книги составляли всего лишь менее 1,5%. По наблюдению С.П.Луппова, «религиозная литература составляла около 35%. Для книжного собрания представителя духовенства это был очень небольшой процент. ... Следовательно, основные интересы Феофана Прокоповича были в светском мире»⁶⁰.

С деятельностью Прокоповича связано усиление духовной цензуры, особенно с окончанием Северной войны, когда государственная власть обратила свой взор на внутренние проблемы в стране и стремилась упорядочить и привести все сферы жизни в «регулярность». Увеличилось число изданий и тиражи печатной продукции Синодальной типографии. Теперь архиереи взяли под особый контроль распространение духовной литературы на местах, в своих епархиях. Например, 20 июня 1721 г. псковскому «архиерейскому приказному» дьяку Григорию Протопопову поступило письмо от Снетогорского архимандрита Петра – судии духовных дел – о распространении во Пскове присланных из Санкт-Петербурга из Синода 13 печатных указов и 20 книжиц печатных для продажи. Указы велено было раздать в соборную церковь, благочинным старостам, «закащиком» и в монастыри⁶¹. Синодальные издания партиями рассылались по епархиям с понуждением к обязательной покупке книг монастырями и церквями. Синод тем самым оказывал прямое воздействие на комплектование духовных библиотек идеологически выверенной литературой и «новоисправными» книгами.

По решению Синода, оформленному указами 1721 г. от 1 марта № 16 и от 19 июля № 130, для надзора за духовенством в отношении соблюдения правил благочестия и законопослушности, а также для ревизий церковного имущества, в Псковской епархии, как и в других, была введена должность провинциал-инквизитора, в которую Петербургский протоинквизитор назначил доверенного монаха Савватия. В Псково-Печерском монастыре тогда же была введена должность инквизитора, в которой состоял иеромонах Корнилий, упоминаемый в 1725 г.⁶² Инквизиторы в своей

деятельности были подобны фискалам, только по духовному ведомству. Они контролировали местных священно- и церковнослужителей независимо от правящего архиерея, собирая на них компрометирующие материалы и доклады в столицу прото-инквизитору.

Одновременно появлялись указы о запрещении и изъятии староверских рукописей и старопечатных книг. Такие распоряжения правительства были не новы и со времен Алексея Михайловича повторялись в каждое следующее царствование, с подтверждением прежних указов. Например, 11 сентября 1724 г. «по ведению» Правительствующего Сената Святейший Синод составил указ, объявляющий, во-первых, «о запрещении иметь и хранить раскольническия рукописныя книги, а во-вторых, о представлении таких книг духовным управителям, для отсылки, через архиереев, в Синод». Для внушительности указа и доходчивости его до сознания граждан в тексте содержатся угрозы, ставшие обычными в ту суровую эпоху: чтобы «никто у себя таких о расколе сумнительных и подозрительных книг и тетратей ни тайно, ни явно, ни под каким видом, держать не дерзали, под опасением жестокия казни; а ежели кто не объявит и после такия о расколе рукописныя книги, чрез чье объявление у кого сыщутся, то б таким преслушателем чинено было по указу»⁶³.

Петр I привлек к себе просвещенного киевского монаха Феофана Прокоповича для осуществления замыслов «исправления духовенства». И действительно, он стал способным последователем всех начинаний монарха, его единомышленником и главным разработчиком церковной реформы. Будучи псковским архиереем, Феофан все время проводил в Петербурге, исполняя должность вице-президента в созданном им Синоде. В 1721 г. из-под его пера вышел главный документ синодального устройства Русской Церкви – «Духовный регламент». Было создано государственное ведомство по делам православного исповедания во главе с гражданским чиновником – обер-прокурором, назначаемым официальным «главою церкви» – императором. Это было чудовищное каноническое извращение. Не менее порочными были и другие узаконения Феофана. Распоря-

жениями Синода в господствующей церкви насаждалось еретическое обливательное крещение, закрывались часовни, запрещались крестные ходы, проводилось освидетельствование святых мощей, разорялись старообрядческие поселения, поощрялось доноительство священников на «неблагонамеренных» прихожан, сокращалось число действующих монастырей... При этом сам Феофан, хотя и обладал изощренным умом и многими дарованиями, но был человеком лукавым, религиозно и нравственно беспринципным и безжалостным к своим врагам. По свидетельству одного из его противников новгородского дворянина Ивана Носова, Феофан, «во время архиерействования своего в Пскове многия святыя церкви и монастыри, для богомерзкаго своего лакомства, псковскому архиерейскому дому приписал, от которых вотчины и всякие доходы отнял, и к оному дому присовокупил, и священнослужителей отрешил, и тем оных безгласных учинил. Еще ж от них церковныя имения, всякую утварь и колокола, отобрав, распродал и в непристойныя монашеству роскоши употребил. ...Оным же злодеем, Феофаном, и в главной соборной ризнице со священных облачений крупный жемчуг обира... и продаван...»⁶⁴. В результате такого «архипастырского служения» одной из древнейших русских епархий кроме разорения был причинен значительный хозяйственный и нравственный урон.

Àóõî áí Ñá áéáèèî ðáèè
â î î ñèáî ðòðî áñèè á áðâî ÿ

Только при новом **епископе Рафаиле Заборовском** (1725 - 1731) были предприняты меры по восстановлению порушенной церковной жизни в Псковской епархии. В 1730 году он доносил Синоду о результатах своей деятельности: «а ныне у меня приписные монастыри возобновлены и всякими потребами удовольствованы»⁶⁵. Далее в отчете перечислялись 10 монастырских и 6 приходских и домовых архиерейских церквей. В то же время владыка жаловался на скудное и неурядочное положение в 11 храмах города, которыми ведали старосты из посадских людей, обвиняя их в нерадении и корысти. Рафаил явно лукавил, желая на фоне общего

разорения показать свою заботу о церквях, добиваясь подчинения себе посадских храмов. К заслугам Рафаила Заборовского следует отнести заботы о развитии в епархии духовного образования. В частности, по инициативе Рафаила в Пскове была заведена **школа при архиерейском доме**. В донесении Синода Императору за 1727 г. о псковской школе сообщается следующее: «В школе архиерейского дома, устроенной 15 октября 1725 года, поповских, диаконских, причетнических и служительских детей во учении имеется 50 человек, и довольствуются, по силе Духовного Регламента, от монастырей и от церковных земель. В том числе учатся: азбуки 5, часослова 7; обученных часослова 6, часослова ж и псалтири 17, от самыа азбуки читать изустно 23; в том числе петь и писать 7; десятословия с толкованием изучено 16, всего и со оными во учении пребывающих 58. Из обученных посвящено в подьяки 8, в пономари определен 1. Затем ныне обучаются: псалтири 6, писать 9, церковнаго пения 5, десятословия с толкованием и писать 9, словенския грамматики 3-ю часть слова и писать обучены 8»⁶⁶.

Впоследствии преемник Рафаила на архиерейской кафедре **Варлаам Ленницкий** (1731 - 1739) основал на базе архиерейской школы Славяно-греко-латинское училище и **Псковскую Духовную семинарию** (1733). В нее стали отбираться подходящие книги из упраздняемых монастырей и церквей, а также передавалась святоотеческая литература из архиерейской библиотеки. Кроме того, ряд изданий приобретался покупкой в синодальной типографии на местные епархиальные средства. С начала XVIII века духовные библиотеки целенаправленно пополнялись некоторыми специальными идеологическими изданиями, рассылаемыми из столицы для обязательного приобретения на местах. Эта практика распространилась после создания Синодальной типографии, осуществлявшей духовную цензуру. В книжном собрании ПДС хранились труды местных иерархов и преподавателей, учебные рукописи семинаристов и прочее⁶⁷. При Варлааме Ленницком продолжало оказываться содействие духовной школе новой литературой. Об этом свидетельствует запись на «Катехизисе» Петра Могилы, черниговского издания, 1715 г.: «Сей катехизис

Дому архиерейскаго казенный отдан в школу ради обучения детей, никому его не брать из школы подписал иеромонах Исакий 1739 году февраля 6 дня». Впоследствии книга поступила в ПДС⁶⁸.

Àõî ðàÿ âî èí à ñâéóëÿðçàòèè
ì ðè Àèàðððèí à Ì è àâ ì î ñèââððàèÿ
àèÿ ì ñèî âñèèð àòòî âí òò àèèèè òâè
è àððèâî à

На протяжении всего XVIII века происходило дальнейшее обмирщение русской культуры и общественного сознания. При этом церковные иерархи непременно должны были выказывать свое усердие в исполнении всех повелений светских властей в отношении церковной политики. В царствование Екатерины II псковской епархией управлял **архиепископ Иннокентий Нечаев** (1763 - 1798), весьма одаренный и образованный. Императрица любила великорусских ученых монахов и возвысила Иннокентия, назначив его псковским владыкой и членом Синода (с 1766 г.), что вынуждало его жить в Петербурге. Именно ему приходилось в соответствии с общероссийской реформой по секуляризации церковных владений проводить ее в жизнь на Псковской земле в 1764 - 65 гг., с чем он успешно справился. Секуляризация была законодательно оформлена указом Екатерины II от 26 февраля 1764 г., согласно которому отобранные у духовенства земли и крестьяне были переданы в управление Коллегии экономии, то есть стали государственными⁶⁹. При этом было проведено радикальное сокращение численности монастырей за счет упразднения малобратственных и бедных обителей. Что же касается их церковной утвари, то она поступала в распоряжение епархиальных архиерейских домов. Это условие касалось и книг. Но в отношении документальных вотчинных архивов действовало другое правило. Они должны были передаваться в ведомство Коллегии экономии.

Одним из важнейших дел Иннокентия стало сокращение числа действующих храмов Пскова под предлогом заботы о повышении доходов нуждающегося духовенства. По приказу архиепископа от 19 июля 1786 г. из 56 городских церквей было решено сохранить

17, остальные приписать или оставить праздными⁷⁰. Обосновывая свое решение, владыка объявлял Консistorии, что для выхода из сложившегося бедственного положения духовенства при «множестве церквей и малом числе приходских дворов», он «иных средств ныне изобрести не мог, кроме» упразднения «излишних» храмов. 21 церковь предлагалось сделать приписными, лишив самостоятельных приходов. «Что касается до назначенных ко упразднению осмнатцати церквей, то по распределении оных церквей священников с причетники на другия праздныя места, и ... учиня (описи. – А.П.) о всей находящейся в тех церквах церковной утвари, и о имеющихся уже на святых образах, освидетельствованные при тех же священниках против с прежних описей учинить вновь описи двои, и по ним оную всю церковную утварь обобра... из тех церквей для хранения в катедральную Его Преосвященства ризницу (отдать) соборному ключарю иерею Евфимию Васильеву с его ключарскою на тех описях роспискою... для сведения и по ним хранения той утвари ему ключарю, и потом оныя церкви запереть и запечатать»⁷¹. Выполняя возложенное на него поручение, ключарь Троицкого собора иерей Евфимий Васильев в ноябре 1786 г. доносил Консistorии о необходимости подыскать специальное помещение «для хранения отбираемых из подлежащих ко упразднению псковоградских церквей святых образов с окладами и привесами, такожде и прочее всей церковной утвари назначить в доме его преосвященства Палату». В своей резолюции архиерей предписывал подыскать «при соборе, так и при доме его преосвященства места, в которых способнее и безопаснее хранится могли показанныя вещи», а также, «как ныне зделать вскорости, так и впредь делать когда будет надобность, особливья с подлежащим укреплением сундуки, в которыя класть и хранить из каждой таковых церквей вещи...за замком и печатью собора его преосвященства»⁷².

Впоследствии, в июне 1793 г., когда возникла необходимость передать «потребное число» книг из упраздненных псковских церквей «в гимназии» (здесь, по-видимому, имеются в виду духовные школы), был сделан запрос из Консistorии: «сколько и каких

имянно книг» в Троицком ризничном хранилище, годных «к снабдению Гимназиев». В ответ на этот запрос 20 июня соборный ключарь Евфимий Васильев подал реестр книг, «отобранных от упраздненных церквей», и сообщил, что «оныя книги хранятся с прочею церковною утварью под колокольнею в палаты»⁷³. О существовании таких книжных описей соборной ризницы известно также из других упоминаний⁷⁴, но, увы, они не сохранились. По записям и штампам на дошедших до нашего времени некоторых старопечатных книгах из Древлехранилища устанавливается их бывшая принадлежность к ризничной библиотеке Троицкого собора. Все такие экземпляры имеют одинаковую запись по нижнему полю начальных листов: «Псковскаго кафедральнаго Троицкаго собора 1862 года». Как видим, инвентаризация проводилась и позднее, в XIX веке, когда на книгах впервые были сделаны соответствующие отметки. Из наблюдений за перемещениями книг выясняется, что ризница собора служила местом накопления и концентрации изъятых книг. Но они не лежали там «под спудом», а неоднократно перераспределялись по другим церквям, духовным учебным заведениям, и даже вывозились в Санкт-Петербург на Псковское подворье, располагавшееся на Васильевском острове.

В то же время правящий архиерей и Консistorия, ощущая себя собственниками имущества упраздненных церквей, внимательно следили за его целостью по описям и предоставляли эти предметы и книги в пользование только для тех храмов, которые могли обосновать свою действительную нужду в них через специальное прошение, рассматривавшееся владыкой. Просьба могла быть отклонена, если с ходатайством обращались церковные попечители миряне или утварь требовалась для храмов посадского строения, так как архиерей полагал, что такие церкви должны быть всецело обеспечиваемы всем необходимым от своих прихожан – купцов и дворян – вкладчиков и жертвователей. Так, 2 мая 1793 г. Консistorия вынесла решение по письменному заявлению священника Ивана Васильева из церкви Успения с Парома, который просил дозволения передать из упраздненных церквей кое-что из богослужебной

утвари для бедного придела Нила Столобенского при церкви Николы от Каменной ограды, поскольку этот храм являлся приписным к Успенскому от Парома. Священник называл именно те предметы, в которых была необходимость, указывая, что их можно позаимствовать: «из Климентовской церкви данныя в оную от упраздненной Симеоновской Евангелие на престольное и сосуды, и от других упраздненных церквей две стоячих лампы». Но консисторские заседатели отклонили запрос попа Ивана Васильева на основании архиерейской резолюции, последовавшей 14 апреля того же года. В ней предписывалось: «Просителю в снабдении церковною утварию отказать, как означенная придельная церковь построена по желанию приходских людей: от которых и снабдение оное зависеть должно. ...Данныя на время в Климентовскую церковь Святое Евангелие и сосуды, ежели подлинно уже нет там в них нужды, взять в собор его преосвященства и хранить с прочими таковыми вещми»⁷⁵.

Ðàññàèààì èà ñòàðõõ òàðèêî àì õõ
 èì èàè õõ õì í àì à è ñì òðàì àì èà èò
 à ñòàððì ààð÷àññèèò àèàèèì òàèòò

Книги – хранители культурного наследия, посредники между поколениями в передаче опыта, знаний и традиций, духовное оружие, утверждение разума на пути к Истине. Особенно сильное воздействие на религиозное сознание оказывают богослужбные и церковно-учительные книги. В православно-христианской традиции такие книги называются «святыми и богодухновенными». С помощью их текстов человек приобщается к Божественному Откровению, содержащемуся в Священном Писании. Благодаря нравственному воздействию Слова Истины в душе человеческой возрастают стремления к добродетели. И наоборот, кривое слово лжеучителей, искажающих первообраз Божьего мира, способно привести к разрушению, нравственному падению, и даже гибели. На письменном наследии утверждается культура русских славян – народа, владеющего даром Слова, и право-славящих Бога. Всякие изменения в книжных текстах, относящихся к области религиозного упования и вероуче-

ния, могут повлечь за собой весьма серьезные последствия для сознания и духа людей.

Это понимали как сторонники старины, так и их противники – реформаторы. Не случайно, свои полемические произведения они нередко называли образно, чувствуя духовную силу писания и печатного слова. Богословы господствующей церкви издавали печатные трактаты: «Жезл правления» Симеона Полоцкого (1667), «Увет духовный» Афанасия Любимова (1682, 1753), «О знаменях пришествия антихриста» Стефана Яворского (1703), «Розыск о раскольнической брынской вере» митрополита Дмитрия Ростовского (1709, 1745, 1762, 1783), «Пращица против вопросов раскольнических» епископа Питирима Нижегородского (1718, 1721, 1726, 1752), «Обличение на правды раскольнической» Феофилакта Лопатинского (1745) и другие. А староверы сочиняли и распространяли апологетические рукописи в списках: «Сказание о новых книгах», составленное на Соловках (1667), знаменитое «Житие» протопопа Аввакума (1670-е гг.), «Диаконеры (или Керженские) ответы» (1719), «Поморские ответы» Андрея Денисова (1723), «Меч духовный» Алексея Самойловича (1771), «Щит Веры» Тимофея Андреева (1789 - 1790). Когда же полемические силы никониан истощались, они прибегали к «мечу телесному», «градским казням» и пыткам, пытаясь заглушить «огнепальные глаголы» проповедников и ревнителей старины огнем горящих срубов, в которых предавались мученической смерти русские староверы.

Когда в 1685 г. псковский митрополит Маркелл проводил сыск и преследование местных староверов, один из них, по имени Герасим Павлов, проявил себя достойным соперником архиерея, который считался прекрасно образованным богословом, знатоком иностранных языков и библиофилом. В донесении Маркелла на имя царей Ивана и Петра Алексеевичей о своих действиях по борьбе с расколом сообщается о поимке и допросах проповедника Герасима Павлова. Желая лично участвовать в осуждении старообрядческого наставника и добиться показательного суда над ним, архиерей собрал на своем владичном дворе духовенство для публичного диспута с ним и обличения. «И я, богомolec

ваш, – докладывал Маркелл, – имал его Гараску пред себя на собор, в том истязался с ним; и будучи он Гараска на истязании, противен явился всему новоисправному церковному преданию ... и за такое противление и за хулы послан к градскому суду в Приказную избу к боярину и воеводе ко князю Михайлу Григорьевичу Ромодановскому. И у боярина и воеводы привожен он расколник к пытке; и не хотя он терпеть пытки, принес повинную». Испрашивая у царей указа о том, как поступить с Герасимом Павловым, Маркелл исподволь признавался в своей неспособности одержать победу в духовной брани без помощи насилия. «А свободить его расколника невозможно, потому что великой словесник и книг читатель». В резолюции на это письмо, от 1 мая 1685 (7193) г., по царскому указу и боярскому приговору повелевалось: «расколника Гараску Павлова посадить в самую крепкую земленную тюрьму и за крепкой караул, чтоб он из той тюрьмы не ушел, и никого к нему припускать не велеть, и держать его в тюрьме за крепким караулом»⁷⁶.

Новые литературно-публицистические, апологетические и полемические произведения пополняли книжницы двух враждующих сторон. Одновременно с этим, на протяжении XVIII - XIX веков продолжался процесс размытия и перемещения старых фондов духовных библиотек. Изъятые из обихода книги, лежавшие под замком в сундуках, иногда продавались староверам, хотя это было запрещено законами. Такая практика, разумеется, была тайной и не могла осуществляться с ведома епархиальных властей. Но в глубинке, где надзор архиерея и благочинных был слабее, некоторые попы негласно продавали или меняли старопечатные книги и рукописи. Об этом свидетельствуют памятные записи на полях книг. Например, на Минее общей с праздничной (Москва, Печатный двор, 1650 г. издания), принадлежавшей псковскому околородному кладбищенскому храму Святых Жен Мироносиц на Скудельницах есть запись скорописью на обороте шестого листа первого счета: «1701 года декабря въ 29 день Мироносцкой попь Иванъ Ерофеевъ променилъ сию книгу Минию общую на новую Минию и подписал своею рукою». Кому «променилъ» поп сию книгу, можно понять

по другой владельческой записи, указывающей на староверческое происхождение позднейших ее обладателей. На пустом добавочном листе у переплета имеется надпись: «Сия святая и богодухновенная книга, нарицаемая Миния обьячая, принадлежит крестьянину Григорію Лукину. Мини (?) писана 1871 года февраля 21»⁷⁷. Происхождение владельца Минии из старообрядцев очевидно, поскольку богослужебные книги встречались, как правило, только в обиходе грамотных крестьян, состоящих в беспоповских согласиях. Миряне из «никониан», посещая церкви господствующего исповедания, не нуждались в богослужебной литературе, да и грамотных крестьян среди них было гораздо меньше.

Крупные псковские монастыри также разменивали и распродавали достояние своих древних книгохранилищ. Если большинство рукописей изымалось по приказу из Москвы и увозилось в столицу, то старопечатные книги оставались на местах. Здесь они отбирались на архиерейский двор, подвергались аутодафе или, в лучшем случае, иногда сбывались староверам. Так, в Трехсвятительском Елеазаровском монастыре Псковского уезда была значительная книжница, разоренная после церковного раскола. Среди даров, пожалованных вкладчиками в обитель, в ризнице-книгохранилище находился Октай (Октоих), часть 1, (гласы 1 - 4), без знамени, изданный Московским Печатным двором в 1631 г. По записям прослеживается бытование книги в XVII и XX вв. На л. 1-11 первая надпись, относящаяся примерно к 1639 - 1641 гг.: «Лета 714(7 - 9)-го августа въ ... день далъ сию книгу Охтай въ Елизаровъ монастырь Столникъ и воевода Князь Михайло Петровичъ Пронской по своихъ родителейхъ въ вечной поминикъ». По листам 3 - 12: «Сия книга Охтай Сретенскаго Елеазарова монастыря отдана въ Толвицкой монастырь на подержаніе». Далее на листах 361 об.-365 об.: «Сия книга Елиозарова монастыря Преподобного Ефърасина Огдай дестовой четырехъ гласовъ». Последняя запись относится к началу XX в. Она сделана фиолетовыми чернилами на припереплетном листе: «Сия книга пренадлежитъ де... иларина (?) Михаила Васильива. А переплеталь Федоръ Ивановъ». Следует отметить, что при этом

ремонте отпавшие доски переплетной крышки были скреплены с блоком посредством склеивания с использованием бумажных листов, вырванных из «Ирмосов» Преображенской старообрядческой печати начала XX в. Окоих поступил в Древлехранилище ПИХМЗ в июне 1991 г. в составе коллекции старообрядческих книг XVII - н. XX в. и икон конца XIX - начала XX вв., приобретенных у Л.А.Ваулиной из поселка Дедовичи⁷⁸. Все это свидетельствует о том, что книга, пожалованная в Елеазаровский монастырь князем М.П.Рыбиным-Пронским в бытность его воеводою в Пскове, так и не осталась в обители, несмотря на завещание хранить Окоих постоянно, в вечное поминовение родителей вкладчика. Вместо этого, вероятно уже в XVIII веке, Окоих был продан за ненужностью староверам, благодаря которым и сохранился до нашего времени.

В XIX веке отношение к рукописным и старопечатным книгам со стороны господствующей церкви и государственной власти практически не изменилось, невзирая на то, что появилось так называемое единоверие, для последователей которого Синодальная типография стала публиковать книги, перепечатанные с древних дореформенных изданий.

Состав фондов Псковской Духовной Семинарии (ПДС), Троицкого собора, Никандровского монастыря из собрания Древлехранилища ПИХМЗ опосредованно представляет сведения о борьбе официального православия со староверческим исповеданием. Библиографические наблюдения за выходными данными книг, их рассмотрение по содержанию и оформлению, археографическое исследование ряда рукописей позволяет сделать вывод о том, что многие из них поступили в состав названных библиотек в результате изъятий у псковских староверов, преимущественно Порховского уезда. На это указывают записи на книгах, сделанные в первой половине XIX в.

Среди книг, отнесенных к фонду Благовещенской Никандровой пустыни Порховского уезда, добрую половину составляют старообрядческие и дораскольские рукописи и старопечатные дониконовские издания, а также книги старообрядческих нелегальных и заграничных типографий конца XVIII в.

Использование в богослужебной практике монастыря таких книг было исключено. Они могли иметь лишь ограниченное употребление для духовного чтения после рассмотрения их содержания духовной цензурой.

Сами не используя старопечатные книги, духовные власти господствующей церкви и государственные чиновники считали, тем не менее, необходимым «в целях борьбы с расколом» отнимать их у других, проводя обыски с конфискацией имущества старообрядческих молелен. Запрет на изъятие икон и книг у староверов последовал только в 1834 году⁷⁹, но и он являлся только полумерой, прикрытием неприглядной деятельности властей, не приведя к полному пресечению этой порочной практики. Поступление конфискованных книг в ПДС может быть объяснено потребностью для подготовки епархиальных миссионеров. По правилам того времени они проводили обязательные беседы, богословские диспуты со староверами, совершая поездки в места их поселений с целью «увещевания» и обращения. При таких спорах они использовали цитаты из текстов старопечатных книг, сравнивая их с изданиями синодальной печати и подвергая критике. В ПДС существовала специальная кафедра «обличения раскола и сектантства» преподаватели которой читали лекции о том, как бороться с последователями старой веры, защищать нововведения и реформы Никона, строить полемические беседы с начетчиками на заданные темы. Именно на этой кафедре необходимы были древние церковные книги и издания старообрядческих типографий Супрасля, Гродно, Почаева, Вильно, Могилева, Варшавы, Клинцов. Поэтому в библиотеке ПДС имелись, например, такие книги, как «Часовник» 1796 г. изданный в Вильно в Троицкой типографии, или «Псалтырь» Виленской типографии 1796 г., На последней есть владельческая запись конца XVIII в.: «Сия книга Псалтырь принадлежит крестьянская дочь Дарья Митьревна». Книга прошита и скреплена восковыми печатями: 1) в конце печать «Судебнаго следователя Порховскаго уезда»; 2) на корешке и нижней крышке «Печать пристава 1-го стана Порховскаго уезда»⁸⁰. Все это свидетельствует о том, что в начале XIX в. такие книги при розысках от-

бирались у крестьян-староверов судебными приставами и следователями, опечатывались и прошивались как вещественные доказательства причастности к расколу для уголовного преследования и наказания. Затем, по окончании следствия и осуждения владельцев таких книг все конфискованное имущество либо сжигалось, как о том пишут очевидцы П.И.Мельников (Андрей Печерский) и Н.С.Лесков, либо отдавалось единоверцам и никонианам. Таким образом, часть книг попала в Семинарию.

Гонение на старую книгу, начавшееся с никоновских реформ, придало ей особое значение. Как отмечает В.Г.Сенатов, это гонение «способствовало тому, что она из храмов переселилась в частные дома приверженцев старины. Эти последние всякими способами, не щадя ни сил, ни умения, ни средств, старались приобрести гонимые книги, припрятать их и сохранить. И почти вся русская старопечатная и древнеписьменная литература чрезвычайно быстро распространилась среди русского народа, преимущественно среди низших классов его – купечества и крестьянства. Это явление имеет необыкновенно важное значение и может считаться почти единственным в истории. Оно означает, что почти все монастырские и церковные библиотеки поступили в свободное обращение среди народных масс»⁸¹.

Осознание исторической ценности церковных древностей, в том числе и книг, с запозданием пришло к некоторым иерархам господствующей церкви лишь под влиянием общенационального культурного подъема в России на рубеже XIX - XX вв. Тогда местный архиерей Арсений (Стадницкий) проявил инициативу для создания в 1908 г. Псковского Церковного Историко-Археологического Комитета (ПЦИАК) с учреждением особого музея, куда поступали на хранение некоторые предметы церковной старины из храмов и монастырей Псковской епархии, а также от частных дарителей. Однако, несмотря на эти позитивные действия, в сознании правящего духовенства сохранялись живучие предубеждения в отношении всего, что касалось древней дореформенной Русской Церкви и старообрядчества. Музей в основном пополнялся за счет утвари, икон, книг и рукописей,

конфискованных в прежние времена у староверов или изъятых из церкви по причине неупотребления в обиходе. Таким образом, отношение к этим предметам было далеким от почитания их насущными духовно-культурными ценностями, но скорее отражало секуляризованное, и даже отчужденное представление о них как о «диковинах» для Кунсткамеры, как о собрании «пережитков прошлого». Истинное их значение осознавали лишь немногие клирики и специалисты-исследователи церковно-археологической науки – Н.И.Серебрянский, священник А.С.Ляпустин, Н.Ф.Окулич-Казарин.

К таким ценителям старины относился и краевед, священник о. Александр Лебедев. В бытность свою настоятелем Варлаамовской церкви на Запсковье и приписной к ней церкви Воскресения со Стадища, он составил «Историко-статистический очерк» о них, изданный в 1895 г. Подробно описав храмы, А.Г. Лебедев уделил особое внимание их общей библиотеке и архиву. Среди прочих книг он сделал краткое описание рукописного синодика Воскресенской церкви со Стадища XVII в. Указав на древность текстов синодика, о. Александр отметил, что служебная его часть содержит «чин полной панихиды, списанный со старопечатных книг и потому содержащий в себе некоторые изменения во многих фразах, против ныне употребляемых в церквах»⁸². Тогда же на верхнем припереплетном листе самой рукописи им была сделана запись: «Сию древнюю книгу Синодикъ следует хранить какъ редкость археологическую. 24 янв. 1897 года. Настоятель Псковоградскія Варлаамовскія церкви протоіерей Александръ Георгіевъ Лебедевъ съ 1876 года, октября 22 дня 1904 года»⁸³. Вскоре рукопись поступила в музей ПЦИАК, а после революции в Псковский государственный музей. К счастью, она дошла до нашего времени, и теперь это самый древний из сохранившихся псковских синодиков, относящийся примерно к середине XVII века. Он содержит тексты дониконовской заупокойной службы и поминовения псковских родов с душами людей, многие из которых жили еще в XVI веке.

По инициативе Н.И.Серебрянского и А.С.Ляпустина музей ПЦИАК начал приобретение старинных рукописей. Так, в 1909 г.

у старообрядческого священника Петра Никифорова из села Глухова Московской губернии был куплен рукописный Богослужебный Устав псковского письма XVI в.⁸⁴

Эти признаки положительных изменений отношения новообрядческой церкви к отечественным древностям стали возможны только благодаря изданию Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 г. о веротерпимости. Лишь после Манифеста староверы получили, наконец, узаконенную государством свободу следовать святоотеческим традициям своей Церкви, восстанавливать храмы, издавать книги, укреплять древнее благочестие. Закончились два с половиной столетия жестоких гонений и суровых испытаний. Но, к сожалению, этот период возрождения был недолгим.

Последовали лихолетья революций, войн и советского времени. С приходом к власти безбожных большевиков против русского народа началось неистовое душегубство. От геноцида гибли целые сословия. На сей раз чудовищным гонениям подверглись все религиозные исповедания. Мученическая судьба ожидала и староверов как исконно-русских людей, убежденных патриотов и правдолюбцев. Вновь последовали изъятия церковной утвари и книг из закрывающихся храмов и молелен. К счастью, не все отнятое имущество уничтожалось, распродалось или шло на пополнение денежной казны Советского государства. Значительная часть предметов, особенно ценных по художественному и историческому значению, признаваясь национализированной собственностью государства, поступала на сохранение в музеи. Благодаря этому обстоятельству были сформированы музейные коллекции древних церковных книг и рукописей. Пскову в этом отношении повезло. Собрание редких старопечатных книг, рукописей и документов Древлехранилища Псковского музея-заповедника – одно из наиболее крупных в России. Несмотря на потери части фондов в годы Великой Отечественной войны, многое все же удалось сохранить, вернуть и пополнить, и сейчас это богатейшее собрание открыто для исследователей древней русской литературы и истории Псковской земли.

Подводя итоги обзора истории старых псковских духовных библиотек, следует отметить огромные потери книжного наследия, как рукописного, так и печатного. Причем за

весь рассматриваемый период наиболее губительной для старых книжных фондов следует признать эпоху раннего Нового времени, когда в России происходило разрушение традиционного общества (вторая половина XVII в. – до начала XIX в.).

В результате массового закрытия церквей в XVIII веке многие из них оказались бесхозными и были переданы в казенное ведомство, которое назначило их к продаже с аукциона. Некоторые из проданных таким образом храмов ломались на строительный камень, на месте других устраивались кабаки и склады. Большинство старинных церквей было обречено на постепенное разрушение от действия природы и людского равнодушия. Из 120 храмов, существовавших в Пскове и его окрестностях во времена Святой Руси XVII века, к настоящему времени осталось лишь 43 с вновь построенными. Большинство из 80 исчезнувших церквей были уничтожены не в годы советского богоборческого режима или войн, а вследствие преступного равнодушия к их судьбе со стороны никонианской иерархии и невежественных чиновников. Как известно, в XVIII - XIX вв. среди светских и духовных властей широко было распространено прагматически-утилитарное или равнодушное отношение к памятникам русской старины. Их перестраивали, «поновляли», придавали «благообразие» в соответствии с современными вкусами, а если их дальнейшее использование было сопряжено с необходимой дорогостоящей реставрацией, то от них просто предпочитали избавиться. Так во Пскове были сломаны десятки церквей и палат, перелиты многие колокола, переписаны до неузнаваемости сотни старинных икон, сданы в утиль старые облачения и утварь, распроданы с аукциона и отправлены в макулатуру древние книги и документы.

Главный урон псковской старине и книжному наследию нанесли не войны и не стихийные бедствия, а невежественное пренебрежительно-утилитарное и даже сознательно враждебное отношение к старым библиотекам и традиционным памятникам культуры и русского искусства былых времен.

Но, слава Богу, традиции и наследие древнерусских книжников не были искоренены, но бережно сохранены, и творчески продолжены русскими старообрядцами. В современных условиях возвращение к духовному опыту наших предков, к родным святыням и идеалам может оказать животворящее влияние на возрождение национального самосознания русского народа. Исторические испытания прошлого показали разрушающее воздействие чуждых нашей культуре идей, основанных на иноземной почве. У России свой исторический путь, свой смысл бытия, и в этом уже мало кто сомневается. Для воссоздания и развития самобытного образа жизни нашего народа и государства мы можем опираться только на родную книжную и нравственную традицию, укорененную в Русской Земле.

Примечания

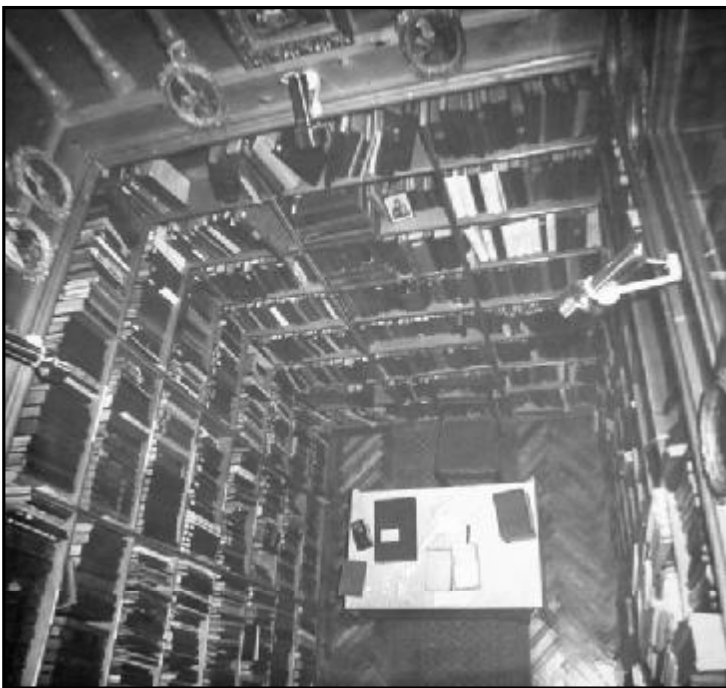
1. Дело по челобитью Илариона, митрополита Псковского, о том, чтобы по случаю постройки Псковской каменной соборной церкви не собирать денег с его домовых и приписных крестьян на постройку Приказной палаты 7200 г. мая 12 – июня 2 // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете 1887 год. – Кн. 1. – М.: Университетская типография, 1887. – Отдел «смесь». – С. 132-136.
2. Там же. – С. 132-133.
3. О переходе по стене свидетельствует архиепископ Евгений (Болховитинов): «Потом, когда учреждена во Пскове в 1589 году особенная Епархия, то Псковские Архиереи построили дом другой в крепости близ Благовещенской церкви каменный на погребях, донныне уцелевший. Из сего дома выход был в Благовещенскую церковь, а после по стене сделаны были переходы и в Троицкий Собор» // Евгений (Болховитинов), архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождество-Богородицкого Снеогогорского с прибавлением списка Преосвященных Архиереев Псковских. – Дерпт, 1821. (Извлечение из этого издания см.: «Храмы и монастыри губернского Пскова. Сборник дореволюционных публикаций» / Составитель Н.Ф.Левин. – Псков, 2005. – С. 138).
4. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. Пскова. Н./В. 11662(1). Инв. № 5590. Селезнев И. «Вид развалин каменного Кремлевскаго замка (с западной стороны) в г. Пскове». – Литография 1820-х годов. (Цветная цифровая копия из издания: «Атлас к материалам для статистики Российской Империи». – Таблицы. – СПб., 1839).
5. *Князев А.С.* Историческо-статистическое описание псковского кафедрального Троицкого собора. – М., 1858. – С. 19.
6. Выписка из домашней летописной книги священника Косьмодамианской церкви города Пскова, Онисима Исидоровича Негоновскаго, умершаго 26 февраля 1819 года. – Псков, 1887. – С. 5.
7. *Евгений (Болховитинов)*, митрополит. История Княжества Псковского. – Ч. 3. – Киев, 1831. – С. 91-92.
8. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 602. (ПДК). Книга указов Псковской Духовной Консистории 1811-1822 годов. Инв. № Рук.-1088. О.Ф. 12374(9). Л. 508.
9. *Евгений (Болховитинов)*, архиепископ Псковский, Лифляндский и Курляндский. Описание монастырей Иоанно-Богословского Крыпецкого и Рождество-Богородицкого Снеогогорского с прибавлением списка Преосвященных Архиереев Псковских. – Дерпт, 1821. (Извлечение из этого издания см.: «Храмы и монастыри губернского Пскова. Сборник дореволюционных публикаций» / Составитель Н.Ф.Левин. – Псков, 2005. – С. 137-138).
10. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 602. (ПДК). Книга указов Псковской Духовной Консистории 1811-1822 годов. Инв. № Рук.-1088. О.Ф. 12374(9). Л. 696.
11. ГАПО. Ф. 20. Канцелярия псковского губернатора. Оп. 1. Дело № 649. Ведомость об осмотре ветхих церквей в городе Пскове, назначенных к уничтожению. (Начато 11 декабря 1820 г. – окончено 17 августа 1829 г.). Л. 1.
12. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 602. (ПДК). Книга указов Псковской Духовной Консистории 1811-1822 годов. Инв. № Рук.-1088. О.Ф. 12374(9). Л. 714.
13. ГАПО. Ф. 20. Канцелярия псковского губернатора. Оп. 1. Дело № 649. Ведомость об осмотре ветхих церквей в городе Пскове, назначенных к уничтожению. (Начато 11 декабря 1820 г. – окончено 17 августа 1829 г.). Л.8-9 об.
14. Там же. – Л. 16.
15. Там же. – Л. 20.

16. Там же. – Л. 22-28.
17. *Левин Н.Ф.* Псков на старых открытках. – Альбом в 4-х частях. – Часть 1. – Псков, 2004. – С. 13.
18. *Василев И.И.* Археологический указатель города Пскова и его окрестностей // Записки Императорского Русского Археологического Общества (ЗИРАО). – Т. X. – Кн. 3. – СПб., 1898. – С. 243.
19. *Владимиров Л.И.* Всеобщая история книги: Древний мир, Средневековье, Возрождение, XVII в. – М., 1988. – С. 296.
20. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 39. Арсений I. Инв. № СПК-357. О.Ф. 12365. Сравни запись опубликованную: Осипова Н.П. Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Изд. 2. – Псков, 1985. – С. 52 (№ 131).
21. ГАПО. Ф. 39 Псковская Духовная Консисто́рия. Оп. 1. № 6446. Опись церковного имущества монастырей Псковской епархии, упраздненных в 1765 г. Л. 5 об.
22. *Янсон А.К.* Страничка Псковской образованности // «Познай свой край!». Сборник Губернского бюро Псковского общества краеведения. – Вып. 3. – Псков, 1927. – С. 70.
23. *Осипова Н.П.* Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Изд. 2. – Псков, 1985. – С. 64. (№ 169).
24. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 439. Маркелл. Инв. № 353. О.Ф. 12364(1). Л. 1-6 (первой нумерации); л. 1-15 (второй пагинации).
25. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 936. Ц. Константина и Елены. Инв. № СПК. – 451. О.Ф. 12339(2). Л. 9 - 52; Осипова Н.П. Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Изд. 2. – Псков, 1985. – С. 70-71. (№ 193).
26. *Осипова Н.П.* Указ. соч. – С. 66. (№ 175).
27. Там же. – С. 84. (№ 247).
28. Там же. – С. 63. (№ 167).
29. Там же. – С. 76. (№ 214).
30. Там же. – С. 80. (№ 232).
31. Там же. – С. 62. (№ 162).
32. Там же. – С. 58. (№ 151).
33. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 8512. Л. 2-2 об.
34. *Лебедев А.М.* Колокольня Псковского Троицкого собора // Археология и история Пскова и Псковской земли (АИППЗ). 1994 г. Материалы научного семинара. – Псков, 1995. – С. 24.
35. *Годовиков И.Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. – Вып. 2. – Псков: Типография Губернского правления, 1881. – С. 51. Комментарии к листу XVI из альбома рисунков.
36. *Князев А.С.* Очерк истории Псковской семинарии от начала до преобразования ея по проекту Устава 1814 года. – М.: Университетская типография (Катков и К), 1866. – С. 43.
37. *Слуховский М.И.* Русская библиотека XVI-XVII вв. – М., 1973. – С. 12.
38. *Никольский Н.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397-1625). – Т. 1. Вып. 1. – Об основании и строениях монастыря. – СПб.: Синодальная типография, 1897. – С. 178.
39. *Лебедев А.М.* Колокольня Псковского Троицкого собора // Археология и история Пскова и Псковской земли (АИППЗ). 1994 г. Материалы научного семинара. – Псков, 1995. – С. 24.
40. *Евгений (Болховитинов)*, митрополит. Сокращенная Псковская летопись, избранная из разных Российских и чужестранных летописей и особенно из Псковской. – Псков: «Отчина», 1993. – С. 83.
41. ГАПО. Ф. 39. Псковская Духовная Консисто́рия. Оп. 1. № 6446. Св. 1766. На 19 листах.
42. *Евгений (Болховитинов)*, митрополит. История Княжества Псковского. – Ч. 3. – Киев, 1831. – С. 95-96.
43. ГАПО. Ф. 340. Спасо-Елеазаров монастырь. Оп. 3. № 7. Л. 179-183.
44. ГАПО. Ф. 39. (ПДК). Оп. 1. № 169. Л. 95 об.-96.
45. Подробнее см.: *Смолич И.К.* Русское монашество 988-1917 // Приложение к «Истории Русской Церкви». – М., 1997. – С. 257-279.
46. Подробнее см.: *Захаренко А.Г.* Создание оборонительных сооружений вокруг каменных стен Новгорода, Пскова и Печерского монастыря в начале XVIII века // Новгородский исторический сборник. – Вып. 9. – Новгород, 1959. – С. 171–189.
47. *Годовиков И.Ф.* Описание и изображение древностей Псковской губернии. – Вып. 3. – Псков, 1881. – С. 53-61.
48. *Голиков И.И.* Дополнения к Деяниям Петра Великого. – Т. 6. – М., 1791. – С. 268.
49. *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. – М., 1977. – С. 106-107.

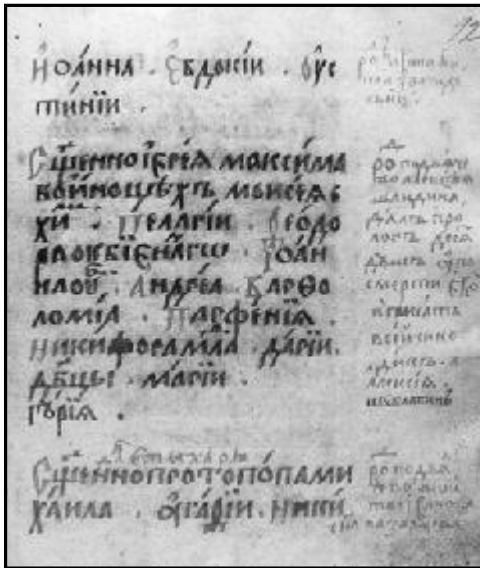
50. Цит. по: *Клочков М.В.* Население России при Петре Великом по переписям того времени. – Т. 1. Переписи дворов и населения (1678-1721). – СПб., 1911. – С. 216.
51. Подробнее см.: *Постников А.Б.* Псков на изломе судьбы: от Московского государства к Российской империи // Псков. Научно-практический, историко-краеведческий журнал ПГПИ. - № 8. – Псков, 1998. – С. 65-66.
52. Синодик Псково-Печерского монастыря XIX века. (Переписан с дополнениями с древнего). – ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 593. Инв. № 346 (1949 г.). О.Ф. 29045(7). Л. 208 об.-210.
53. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – Кн. 9. – М., 1963. – С. 501.
54. ОДДС. – Т. 1. – СПб., 1868. – С. СССXXII-СССXXIII.
55. Цитируется по: *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. – М., 1994. – С. 195-196.
56. Письма Феофана Прокоповича // Труды Киевской духовной академии. – Киев, 1865, февраль. – С. 293.
57. *Соловьев С.М.* Указ соч. – Кн. 9. – М., 1963. – С. 496.
58. *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время 1725-1740. – Л.: Наука, 1976. – С. 262.
59. *Смирнов В.Г.* Феофан Прокопович. – М., 1994. – С. 135.
60. *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время 1725-1740. – Л.: Наука, 1976. – С. 260-261, 265.
61. ГАПО. Ф. 479. Архиерейский дом. Оп. 2. Св. 1 № 1. Л. 52 об-53 об.
62. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. – Т. I. – СПб.: Синодальная типография, 1869. – С. 38, 152-153.
63. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской Империи. – Т. IV. (1724 – 1725, января 28). – СПб.: Синодальная типография, 1876. – С. 207. № 1367.
64. *Чистович И.А.* Феофан Прокопович и его время // Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. – Т. 4. – СПб., 1868. – С. 275-276.
65. ОДДС. – Т. 1. – СПб., 1868. – Приложение. - С. СССXXIII-СССXXXV.
66. ОДДС. – Т. 7. – СПб., 1885. – Приложение. – С. СXXXII.
67. *Творогов Л.А.* Сокровищница старой русской книжности. (Древлехранилище Научной библиотеки Псковского областного краеведческого музея). – Псков, 1957. – С. 26-27, 44.
68. *Огинская Т.П., Осипова Н.П.* Каталог... - С. 16.
69. Законодательство Екатерины II. – Т. 1. – М.: Издательство «Юридическая литература», 2000. – С. 914-943.
70. ГАПО. Ф. 39. (ПДК). Оп. 1. № 317. Протоколы заседаний Псковской Духовной Консистории 1785-1789 гг. Л. 123-127 об.
71. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 167. Журналы заседаний ПДК за 1786 г. Л. 312 об.-313.
72. Там же. – Л. 528 об.
73. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 169. Журнал заседаний ПДК за 1793 г. Л. 247 об., 254 об.
74. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 171. Журнал заседаний ПДК за 1795 г. Л. 253.
75. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. № 169. Л. 174 об.-175.
76. Дополнения к Актам историческим (ДАИ). – Т. 12. – СПб., 1872. – С. 102-104.
77. *Осипова Н.П.* Каталог книг кирилловской печати XVI-XVII веков Псковского музея-заповедника. – Псков, 1985. – С. 39. - № 88.
78. ПИХМЗ. Древлехранилище. Ф. 242. Спасо-Елеазаровский монастырь. (Отдельные поступления). – Инв. № 1174. О.Ф. 25330/1. Охтай. - Часть 1. – М., 1631.
79. *Хришкевич А.П.* Социальный состав старообрядцев Псковской губернии в I половине XIX века // Земля Псковская, древняя и современная. – Материалы научных конференций Псковского музея-заповедника 2000 и 2001 гг. – Псков, 2002. – С. 177.
80. *Огинская Т.П., Осипова Н.П.* Каталог книг кириллической печати XVIII века Псковского музея-заповедника. – Псков, 1996. – С. 104. № 446, 447; С. 81. № 332; С. 82. № 334; С. 83. № 340, №344; С. 90. № 375; С. 91. № 377 и другие.
81. *Сенатов В.Г.* Философия истории старообрядчества. – М., 1995. - С. 28. (Переиздание дореволюционной книги).
82. *Лебедев А.Е.* Историко-статистический очерк псковоградской Варлаамовской церкви. – Издание ПАО. – Псков, 1895. – С. 27-28.
83. *Осипова Н.П.* Каталог славяно-русских рукописей Псковского музея-заповедника. (XVI – начало XX вв.). – Ч. 1. – Псков, 1991. – С. 56. № 81.
84. Псковские Епархиальные Ведомости (ПЕВ). – 1909 г. – 1-15 апреля. - № 7. – Часть официальная. – С. 140.

**Интерьер верхнего яруса под сводами библиотеки в Ризнице Печерского монастыря.
Фото Б. С. Скобельцына, 1986 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище)**

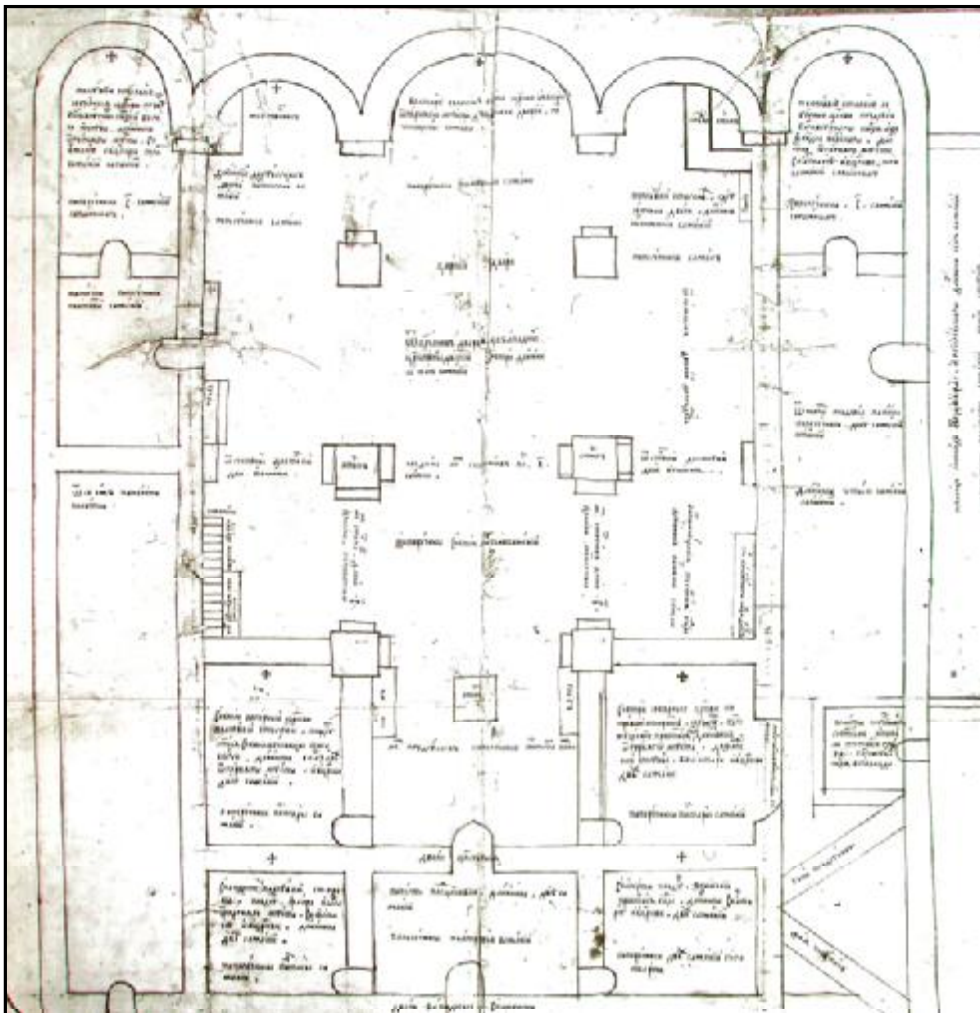

**Стеллажи в библиотеке Печерского монастыря.
Фото Б. С. Скобельцына, 1986 г. (ПИХМЗ. Древлехранилище)**

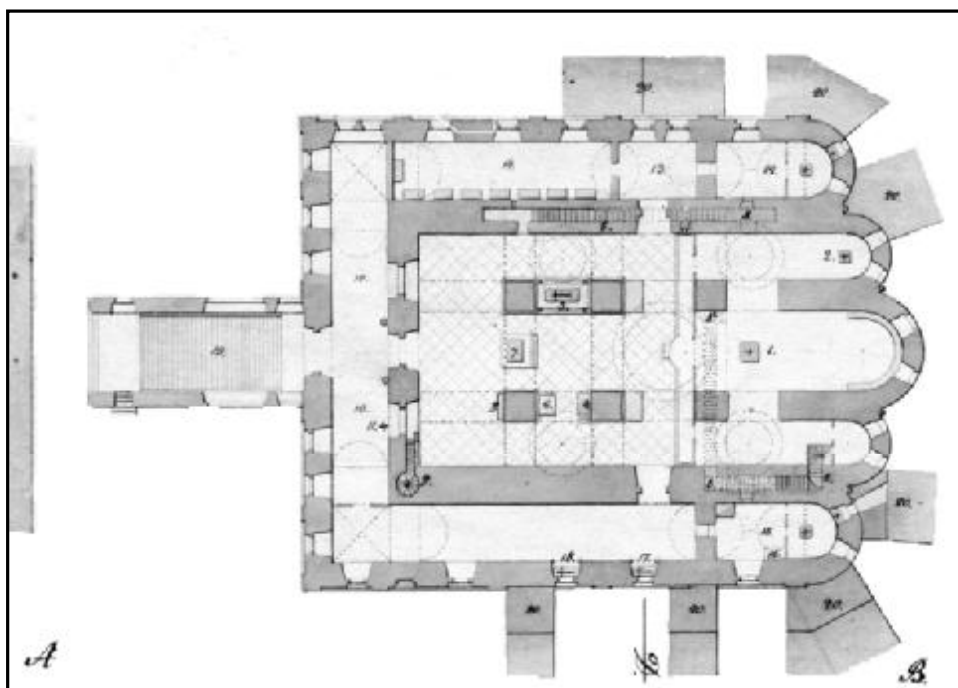

Запись о книжном вкладе подьячего А. Шандина за впись душ в синодик Николы в Люботове. Кон. XVII в.

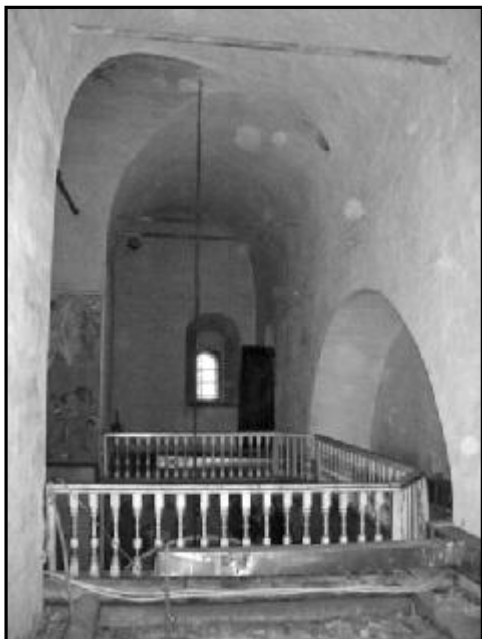
План Псковского Троицкого собора 1365 - 1367 гг. до перестройки 1689 - 1699 гг. Обмерный чертеж 1689 г.

Западный фасад
Троицкого собора в Пскове XIV в.
Рисунок 1689 г. перед разборкой.
Неизвестный изограф

План Троицкого собора по чертежу И. Ф. Годовикова. 1850-е гг.
Под № 8 отмечены внутрстенные лестницы.
№ 14 – новая ризница в приделе Александра Невского

**Второй ярус алтаря Троицкого собора.
Вид с севера на юг**

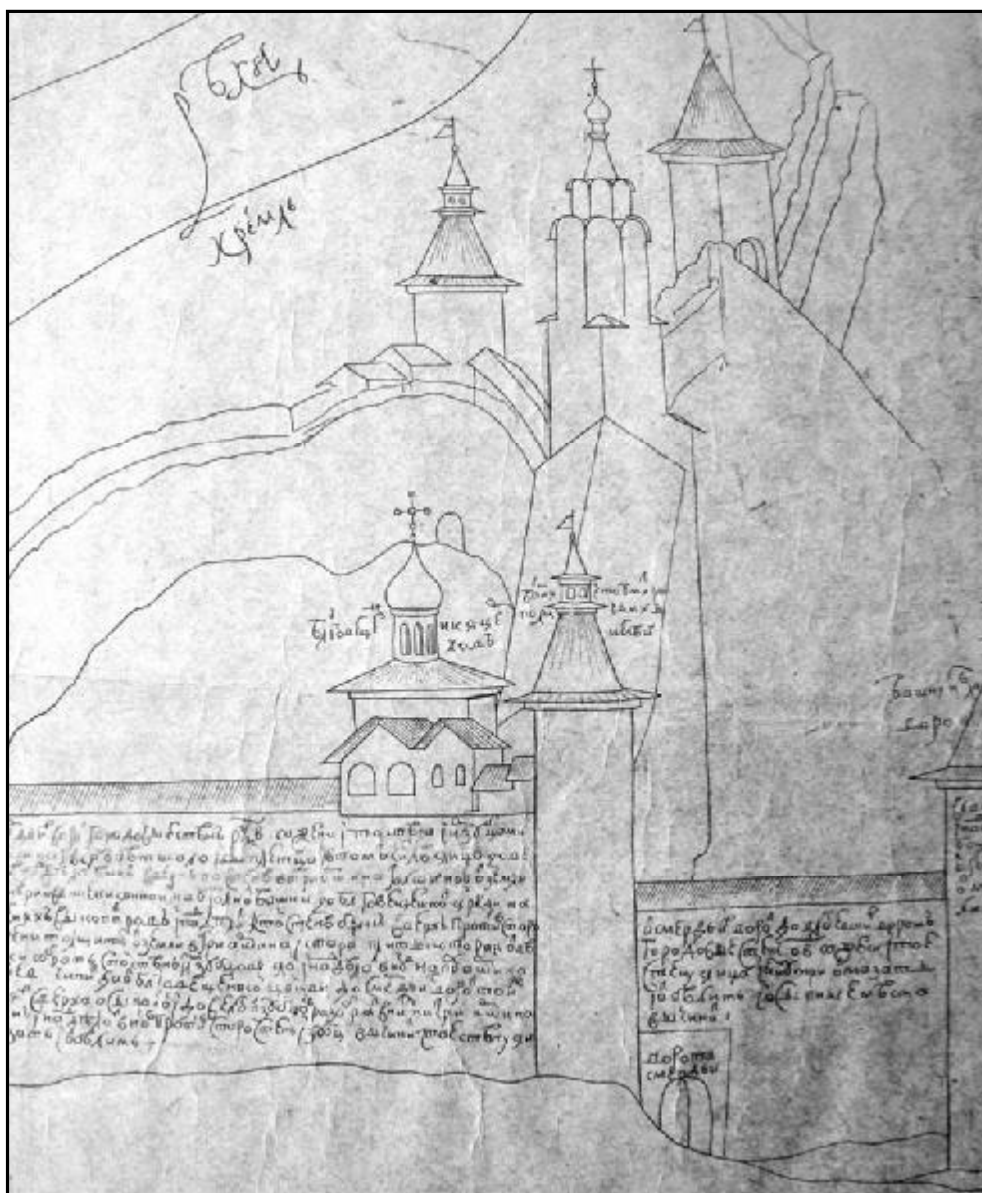
**Помещение ризницы Троицкого собора
в третьем ярусе алтарной части**

**Внутренняя лестница при выходе
в ризницу на третьем ярусе алтарной
части Троицкого собора**

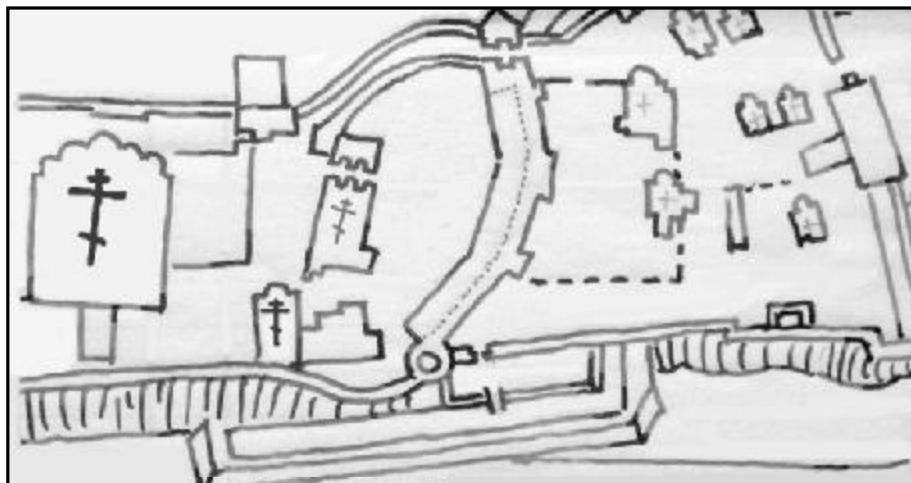
**Дверной проем в помещении соборной
ризницы, закрытый иконостасом**

Благовещенская церковь Владычного двора в Кремле.
Выкопировка из рукописного плана Пскова 1694 г., хранящегося в РГАДА под № 4

**Вид Архиерейского двора на иконе из часовни Владычного Креста.
Копия с прориси И. И. Горностаева**

Псковский Архиерейский двор в Кремле.
Прорись Б. А. Постникова с плана Пскова 1740 г.

«Вид развалин каменного Кремлевского замка (с западной стороны) в Пскове».
Литография И. Селезнева 1820-х гг.

**Колокольня Троицкого собора.
Вид с юго-востока**

**Палата второго этажа колокольни
Троицкого собора**

Северо-западный угол палаты второго этажа колокольни Троицкого собора